

UNICUM

СЕРГЕЙ
БАКШЕЕВ

МАТЕМАТИК

ФОРМУЛА УБИЙСТВА
НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ

$$a^n + b^n = c^n$$

$n = 3, 4, 5, \dots$

Сергей Павлович Бакшеев
Математик
Серия «UNICUM»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8611817
Сергей Бакшеев Тайна точной красоты: авторское;
ISBN 978-5-4582-2958-6

Аннотация

Гениальный математик Константин Данин выглядит ненормальным. Убита его мать, все улики против Данина. Однако бывшая учительница убеждена, что кто-то охотится за трудами математика, имеющими отношение к Великой теореме Ферма. История теоремы полна загадок, интриг и крахов. За ее доказательство обещана огромная премия, и всегда существовали люди, готовые продать душу за разгадку многовековой тайны.

Книга также выходила под названием «Тайна точной красоты».

Содержание

1	5
2	8
3	21
4	31
5	46
6	56
7	67
8	71
9	78
10	84
11	97
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Сергей Бакшеев

Математик

Число – есть сущность всех вещей.
Пифагор

Copyright © Sergey Baksheev, 2013

1

Дверь в квартиру открылась легко, отмычка оказалась подобрана идеально. Старый ворсистый коврик в прихожей тоже порадовал – следов не останется. Да и денек сегодня в Петербурге, несмотря на середину октября, выдался сухим, с легким ветром. Золоченые шпили и кресты соборов блестяли в лучах низкого северного солнца, и темные очки на лице, прикрытом капюшоном, выглядели вполне уместно. В такую погоду даже любопытные старушки-домоседки выползают из двора-колодца и не спешат вернуться обратно в промозглую серость. Оптимальный день для задуманного преступления. Да и не преступление это вообще, а благородный поступок, которому суждено войти в историю.

Человек, проникший в квартиру, попытался унять нарастающее возбуждение, осмотрелся.

Прямо по коридору кухня и ванная, справа – единственная комната. Неужели в этой обшарпанной неухоженной квартирке хранится разгадка Великой тайны, за которой сотни лет охотились лучшие умы человечества? Если это так – мир издевательски несправедлив. Хотя великолепные алмазы тоже находят среди грязной руды.

А вдруг квартира пуста? От неприятной мысли заняло под сердцем. Нет, это исключено! Гениальное сокровище здесь! Опасный визит должен принести долгожданную на-

граду.

Худая немного сутулая фигура остановилась на пороге комнаты.

Старый диван, рабочий стол с бумагами, книжный шкаф, забитый научной литературой, за ширмой виднеется узкая кровать, в углу старомодная этажерка с нелепыми безделушками и больше ничего. Нет даже телевизора или компьютера. Правильно говорят: сытость – сестра лени и подружка праздности. Гении во все времена жили бедно. А вот умные люди рядом с ними должны жить хорошо! Так повелось веками, и менять что-то совершенно ни к чему.

Почувствовав сладостный озноб предвкушения, человек поправил перчатки и двинулся к столу. Глаза пожирали стопку бумаг и блокнотов. Желанный миг приближался.

И в этот момент в замочной скважине заскрежетал ключ. Виски покрылись холодным потом, глазки забегали. Кого еще нелегкая принесла раньше времени?

Фигура в синей куртке с капюшоном метнулась на кухню. Скорее всего, вернулся математик. Его абсурдные поступки не поддаются четкому прогнозу. Он наверняка потащится к рабочему столу, и на кухне будет безопаснее. Появится возможность осмыслить новую ситуацию.

Однако из прихожей послышалось старческое сопение и шаркающие шаги.

Старая карга вернулась! По всем расчетам, она должна была потратить на поход в магазин как минимум час. Но

она вернулась сразу! Что ее принесло? А вот и причина. Потертый кошелек на кухонном столе. Проклятая тетка забыла деньги! Как трудно иметь дело с бестолковыми стариками.

Шаги приближались. Застигнутый врасплох гость вытянулся вдоль стены между холодильником и распахнутой дверью. Это единственное место, где можно спрятаться.

Если хозяйка возьмет кошелек и, глядя в пол, удалится, то ничего не потеряно. А если заметит? Дверь-то из матового стекла. Как много неприятных «если». Неужели из-за никчемной тетки сорвется хороший план? Отступить нельзя. Дело зашло слишком далеко. Величайшая ценность где-то рядом. На пути к ней жалкая бесполезная старуха. Справиться с ней легко. Достаточно толкнуть, и путь свободен. Но бежать сразу глупо. Тогда простого толчка будет мало. Надо, чтобы она на время отключилась. Нужно успеть найти то, ради чего всё это затеяно.

Качнулась дверца. Грузная хозяйка вошла в кухню.

Чем бы шарахнуть ее по голове?

И как рассчитать силу удара?

2

Дежурный по району капитан милиции Рыжков дожевдал бутерброд с колбасой, запил его остывшим чаем и только после этого неохотно поднял трубку давно дребезжащего телефонного аппарата. Хотя смена только началась, его голос был профессионально уставшим.

– Дежурный слушает. – Пухлощекий капитан стряхнул с губ мягкую крошку, она попала на решетку микрофона, и ему пришлось сбить ее ногтем. – Да слушаю я вас, слушаю! Не тараторьте, излагайте по порядку. Фамилия? Я спрашиваю вашу фамилию!

Капитан уныло выслушал сообщение врача скорой помощи о том, как та приехала на сердечный приступ и застала бездыханное тело пожилой женщины.

– Ну а нам-то чего звоните? Разбирайтесь с ней сами.

Рыжков хотел было положить трубку, но его остановил торпливый возглас врача:

– Да труп-то по вашей части, криминальный!

– С чего вы взяли? – болезненно поморщился капитан.

– На голове заметен след от удара.

– Кровь есть?

– Немного. Ссадина с кровоподтеком.

– Череп проломлен?

– Нет.

– Ну, вот видите! Старушке стало плохо с сердцем, она упала...

– Послушайте, – возмутилась врач, – я не сопливая стажерка и достаточно насмотрелась на трупы! Сердце тут ни при чем! Можете игнорировать мой звонок, но в отчете я укажу, что сообщала вам.

– Ладно, ладно, – пошел на попятную капитан милиции, прекрасно понимая, что опытный врач «скорой» вряд ли ошибается в таких вопросах. – Как давно наступила смерть?

– Не больше часа назад.

– Кто вызвал «скорую»?

– Соседка или знакомая убитой. Она здесь.

– Замечательно. Соседку не выпускайте. Всем оставаться на месте и ничего не трогать. Сейчас пришлю бригаду. Диктуйте точный адрес. – Капитан записал адрес квартиры и фамилию жертвы, жестом остановив шедшего мимо оперативника. Закончив разговор по телефону, он подмигнул через стойку перехваченному коллеге: – Долго дрыхнешь, Стрельников. Очередная подружка из постели не отпускала?

– Если бы... Я с опроса по заданию следователя. Торчал на остановке, свидетелей вылавливал. – Подтянутый тридцатилетний оперативник расстегнул турецкую кожаную куртку не первой молодости, и в его пальцах невесть откуда оказалась сигарета.

– Вот тебе, Виктор, новое задание. Бери адресок и дуй с ребятами на квартирку. Да не ерепенься ты раньше времени!

Тут рядом.

– Чего там? – оперативник угрюмо взглянул на протянутую бумажку.

– Старушка окочурилась. Некая Софья Евсеевна Данина. Думаю, ей помогли, а может – и несчастный случай.

– Если мокруха, вызывай сразу прокурорских. У них экспертизы...

– А у нас Семеныч сегодня дежурит. Он у мухи отпечатки лапок на лету может снять. Давай, давай, мне твое недовольство видеть ни к чему. Там уже толкуются врач, свидетель. Это же не заказняк, а бытовуха – по горячему раскроете. Тебе чего, галочка в отчетности повредит?

Стрельников сунул в рот сигарету, сжал узкие губы, пальцы ловко играли одноразовой зажигалкой. Досада на волевом красивом лице сменилось раздумьем. Чиркнуло колесико зажигалки, задрожал язычок голубого пламени.

– А курить тут не надо, – остановил оперативника дежурный. – В своем кабинете можете дымить сколько угодно. А еще лучше, по пути покуришь. Бери людей, и дуй на место.

– Машину даешь?

– Бери, пока свободна. Только недолго там. Дело, чувствую, плевое.

Спустя двенадцать минут трое сотрудников милиции поднимались на третий этаж старого питерского дома с проходным двором. Старший лейтенант Виктор Стрельников уве-

ренно шел первым. За ним топал накаченный молодой опер Алексей Матыкин со сплюснутым боксерским носом и сбитыми костяшками пальцев. Последним мягко ступал эксперт Барабаш, сорокапятилетний темноглазый мужчина с тонкими усиками и несколько надменным выражением лица. В отделе его уважительно величали Семенычем. В руке эксперт бережно нес потрепанный за годы службы чемоданчик.

Еще на подходе к парадному Стрельников профессионально отметил, что двор был пуст. Невзирая на ясную погоду, низкие солнечные лучи сюда не проникали, и надеяться на наблюдательных пенсионеров, греющихся на скамейке, не приходилось. В такие дни они предпочитают выходить на проспект или направляются к набережной.

Врач «скорой помощи», крупная женщина с прокуренным голосом, встретила милиционеров благородным недоумением.

– Наконец-то! У меня, к вашему сведению, еще вызовы имеются. И никто мне их не отменит.

– Старший оперуполномоченный Стрельников, – сухо представился милиционер. Он давно убедился, что официальный тон, развернутое удостоверение и рукоять пистолета, мелькнувшая под мышкой, лучше всего сбивают с обывателей ненужную спесь.

– Маслова Вера Анатольевна, врач «скорой», – сдержанно ответила женщина.

Стрельников оставил Алексея при входе, а сам вместе с

Семенычем прошел на кухню, откуда виднелись подошвы стоптанных туфель лежащей на полу женщины. Врач семенила за ними.

– Расскажите, Вера Анатольевна, как вы нашли тело?

– Мы приехали по вызову, предполагали инфаркт, а тут...

Я с первого взгляда поняла, что опоздали. Вот, сами посмотрите.

Пожилая полная женщина в расстегнутом пальто лежала лицом вверх. Ее глаза были закрыты, а на бледном лице застыла гримаса боли. Рядом валялись осколки разбитой стеклянной вазы и три поникших розы в лужице мутной воды. Оперативник прикинул, где могла располагаться ваза. Выходило, либо на кухонном столе, либо на невысоком холодильнике. Обратил он внимание и на нетронутый кошелек на краю стола, и на закрытую женскую сумочку на полу.

– А вы продолжайте рассказ, Вера Анатольевна, – напомнил Стрельников. – Как вы установили причину смерти?

– Сначала я расстегнула верхнюю одежду на груди женщины, хотела сделать укол, но пульс и дыхание полностью отсутствовали. Потом я подняла голову и заметила след от сильного удара в затылочной области. Для этого мне пришлось снять с нее берет. Он на табуретке.

Виктор Стрельников кинул взгляд на тонкий коричневый берет. Такой головной убор не спасет от сильного удара.

– Она не могла стукнуться при падении?

– Нет. Ссадина со следами кровоподтека расположена в

верхней части головы. Так не ударишься об пол. К тому же она падала вперед лицом.

– Лицом?

– Да. Левая кисть имеет характерный перелом. Пыталась опереться при падении, но возраст и вес...

Невозмутимый Семеныч, осматривавший тело, энергично кивнул, подтверждая слова врача:

– Ударили тупым предметом сзади. Предположительно разбитой вазой. Удар не сильный, но много ли старушке надо.

– Выходит, стопроцентная мокруха. А тело уже ворочали да и наследили не мало, – констатировал старший лейтенант. Его бесцветный голос был лишен явно выраженных эмоций.

– Я больше ни к чему не прикасалась, – поспешила оправдаться врач.

– Кто первый обнаружил ... пострадавшую?

Стрельников хотел сказать «труп», но вовремя перестроился, чтобы не травмировать попусту чувства близких или соседей. Нет ничего хуже, опрашивать свидетелей, находящихся на грани нервного срыва.

– Меня встретила пожилая дама. Она в комнате, – указала врач и спросила: – Я могу идти?

– Сначала ваши показания запишет наш сотрудник. Потом, если у эксперта не возникнет дополнительных вопросов, вы будете свободны. – Стрельников позвал из коридора опера-боксер: – Алексей, займись врачом. Устройтесь где-

нибудь. На кухню не входит, там Семеныч работает.

– А где же нам? – Матыкин с готовностью доставал бумаги.

– Да хоть в ванной. А я в комнату. Там главная свидетельница.

Старший лейтенант вошел в жилую комнату. За столом, спиной ко входу сидела худенькая совершенно седая женщина в расстегнутом бежевом плаще с приподнятым воротником. Рядом лежала миниатюрная шляпка в тон плащу. Женщина увлеченно перелистывала книжку в мягкой обложке, держа ее на вытянутой руке, и обратила внимание на сотрудника милиции, только когда он крикнул в кулак и представился.

– Вишневская. Пенсионерка, – с достоинством ответила дама, словно произносила дворянский титул.

Она осталась сидеть, лишь повернулась на скрипучем вращающемся пластиковом кресле. Теперь Стрельников мог ее разглядеть лучше.

Гордая осанка, атласные волосы, скрепленные сзади смелой заколкой, ухоженные брови, маленькие золотые серьги и чуть подкрашенные губы говорили о том, что хозяйке не безразличен ее внешний вид. Вытянутая шея была предусмотрительно укутана легким платком, но многочисленные морщины вокруг глаз выдавали ее возраст: хорошо за пятьдесят, и образ жизни: вечно занята чтением.

– Кем вы приходитесь хозяйке квартиры?

– Я ее знакомая... старая знакомая. Живу в соседнем доме, из арки направо.

– Вы подтверждаете, что женщина на кухне – это Софья Евсеевна Данина?

– Несомненно, это она.

Оперуполномоченный был несколько удивлен спокойным рассудительным тоном собеседницы. Он больше привык к женским истерикам и нервным обморокам при виде трупа.

– Когда вы видели хозяйку квартиры последний раз? Я имею в виду живой.

– Сегодня. Не больше часа назад.

– Даже так. Расскажите поподробнее об этом.

– Два раза в неделю мы с Софьей Евсеевной ходим в магазин. Она старше меня, я помогаю ей покупать продукты. Сегодня мы созвонились и как обычно договорились встретиться около магазина. Знаете «Продукты», угловой магазин на проспекте?

Виктор кивнул, свой район он знал хорошо.

– Но Софья обнаружила, что забыла кошелек. Я предложила дать ей в долг, но она ни в какую. Погода, говорит, хорошая, спешить некуда, прогуляемся. Мы вернулись к ее дому. Я осталась на улице, там солнышко, а она зашла во двор. Я ждала минут пятнадцать, потом стала беспокоиться. Думаю, не случилось ли чего?

– Так вот сразу? – старший лейтенант намеренно округлил глаза.

Женщина поспешила уточнить:

– С возрастом здоровье, сами понимаете, лучше не становится. А Софья в последнее время на лекарствах жила. Излишний вес, давление, диабет.

– И вы решили пойти за ней?

– Да.

– Во время ожидания и потом, когда вошли во двор, вы кого-нибудь заметили?

– По улице естественно проходили люди. Но все мимо.

– А из арки кто-нибудь появлялся?

– Нет. – Женщина уверенно покачала головой. – Точно нет. Я ждала Софью с минуты на минуту, и всё время наблюдала за аркой. Но вы знаете, из этого двора можно выйти и на другую улицу. Если к метро, так короче.

– А в парадном? Когда вы поднимались...

– Никого не было. Я бы сразу вам об этом сообщила. Пока вы до нас добирались, товарищ милиционер, – с укоризной заметила Вишневецкая, – у меня было достаточно времени, чтобы всё как следует вспомнить.

«Или придумать версию, как скрыть свою причастность к преступлению», – невольно подумалось старшему лейтенанту, глядя на невозмутимую женщину. Убита ее близкая подруга, а она сохраняет железное спокойствие, книжку листает.

– Теперь расскажите, как вы зашли в квартиру?

– Дверь была лишь прикрыта. Я позвонила и сразу толк-

нула ее. А потом заметила Софью. Ее ноги были видны с порога. Я решила, что ей стало плохо, и она упала. Я проковыляла на кухню, повернула ее, потрясла, брызнула водой, но тщетно. Она не приходила в сознание. И я сразу вызвала «скорую». Пока они приехали, я заметила разбитую вазу и ужасный след от удара на голове Софьи.

– Хорошо. Допустим, это так.

– Что значит, допустим? Вы мне не верите? – возмутилась седая женщина. Ее маленькие серые глазки требовательно впились в Стрельникова.

Старший лейтенант проигнорировал недовольство. Пора ставить ее на место, решил он. Свидетель, первым обнаруживший тело, не редко оказывается убийцей.

– Как вы могли заметить ссадину на голове, если Данина в тот момент была в берете? – ледяным голосом спросил оперативник.

– Это хорошо, что вы очень внимательны, – спокойно отреагировала женщина, выдержав напористый взгляд милиционера. – На Софье действительно был одет берет. Я ощутила пальцами слипшиеся от крови волосы, когда перевернула ее на спину и поправила голову, чтобы ей удобнее было лежать.

– Получается, в момент обнаружения, Софья Евсеевна лежала лицом вниз?

– Да. Я готова показать, как это выглядело.

– Чуть позже, – отрезал Стрельников, вновь поразившись

спокойствию пожилой свидетельницы.

Он осмотрел простенькое убранство квартиры.

«А брать тут, похоже, нечего. На ограбление никак не тянет, даже кошелек на месте. Значит, бытовуха? – задумался старший лейтенант и сам себе ответил: – Скорее всего. Хотя следов пьяного застолья что-то не наблюдается. Но нынче времена такие, что убивают и с похмелья и просто от дури, как в прямом, так и в переносном смысле».

Стрельников обошел комнату и вновь обратился к Вишневецкой:

– Скажите, кто еще проживает в этой квартире?

– Сын Софьи Евсеевны, Константин.

– Та-ак. И чем он занимается?

Глаза седой женщины лукаво вспыхнули. Вместо ответа она неожиданно предложила:

– Виктор Стрельников, вы же сыщик. Догадайтесь сами! – Слова прозвучали дерзко, как преднамеренный вызов.

Старший лейтенант осекся. Он почувствовал себя словно на экзамене. Мысль, осадить странного свидетеля, даже не появилась. Он еще раз пробежал взглядом по комнате.

Отовсюду веяло неухоженностью: покосившийся карниз над окном, замотанная скотчем треснувшая ножка этажерки, разболтанная настольная лампа, да и на кухне кран капал. Непохоже, чтобы здесь жил рукастый работяга. А вот многочисленные книги и научные журналы явно говорили о том, что в квартире обитает этакий ботаник в очках, кото-

рому даже телевизор не нужен. Он вечно погружен в бумаги, вон как вытерт паркет под креслом у письменного стола. Сейчас мы определим его профессию.

Стрельников остановился у небольшого портрета бородастого мыслителя над этажеркой. Напоминает писателя или ученого. Но явно не Эйнштейн с высунутым языком, и на Хемингуэя не похож. Этих двоих старший лейтенант знал хорошо. Их обожала вешать на стены питерская интеллигенция времен молодости его родителей. Ученые и писатели, как эстрадные звезды и спортсмены тоже подвержены моде. Каждое поколение выбирало своих кумиров. Но сейчас наступило время всеобщего хаоса в мыслях и поступках. Властителями дум стали денежные мешки и вертлявые телезвезды свободных нравов.

За спиной закрипело кресло, пожилая свидетельница соизволила встать.

– Не узнаете, Виктор Стрельников?

Старший лейтенант удивленно обернулся. Женщина с нескрываемой иронией глядела на него. Что она хотела сказать своим вопросом? Кого он не узнает? Бородача на портрете? Профессию жильца? А может быть ее?

– А я, как услышала стреляющую фамилию да посмотрела на вас, сразу узнала. Здравствуйте, Виктор.

Женщина демонстративно прошлась по комнате, заметно припадая на левую ногу. И тотчас в памяти милиционера всплыл школьный урок.

– Вишневская. Учительница по математике, – растерянно пролепетал он.

– Как дважды два – четыре! Я та самая Валентина Ипполитовна Вишневская, – подтвердила догадку смелая женщина, никогда не стеснявшаяся своей хромоты и вызывающей седины. Она выждала паузу и снисходительно указала на портрет. – А это – Пифагор, величайший математик древнего мира. Я вам рассказывала о нем в школе. Вспоминаете?

3

510 год до рождества Христова. Кротон. Древняя Греция.

Рев толпы под окнами становился всё более угрожающим. Пифагор¹ окинул взором растерянные лица нескольких учеников, пригладил убеленную сединой бороду и, сохраняя достоинство, вышел на балкон. Внизу десятки факелов, дрожащих в нетвердых руках, боролись с темнотой сгущающейся ночи. Весь двор знаменитой математической школы был заполнен беснующейся толпой. Большой дом, в котором Пифагор жил со своими лучшими учениками, а также соседний дворец правителя города Кротон были окружены негодующим народом. Двери зданий были забаррикадированы изнутри, но вряд ли такая мера представляла серьезное препятствие для восставшего люда.

Заметив на балконе влиятельнейшего гражданина страны, толпа на миг смолкла.

– Чего вы хотите? – спросил математик.

Из массы черни, дышащей винными парами, бесцеремонно выдвинулся приземистый человек в широком хитоне с серебряными пряжками на плечах. Под складками его одежды

---

¹ Пифагор (ок. 570–500 до Р.Х.) – древнегреческий математик и философ. Родился и жил на острове Самос. Затем поселился в г. Кротон (Южная Италия), где основал философско-научную школу.

угадывался большой кинжал.

– Справедливости! – выкрикнул предводитель. – Ты Пифагор и твои ученики живут в свое удовольствие, а мы работаем на вас. Вы нежитесь в роскоши, а наши дети умирают от голода. Вы не знаете, что такое труд, а мы об отдыхе только мечтаем.

Голос оратора и его агрессивный вид показались смутно знакомыми Пифагору. Математик хотел возразить, но он привык оперировать точными цифрами и работать с четкими утверждениями, которые требовалось доказать или опровергнуть. Поэтому он только усмехнулся.

– Ты несешь ахинею. Мы тоже работаем.

– А-ха-ха! – грубо рассмеялась пьяная толпа. – Погляди-те-ка, он работает! Покажи мозоли на своих руках!

– Мы производим самое важное – знания! – запальчиво крикнул Пифагор.

Слово перехватил предводитель простонародья. Факел отбрасывал резкие тени на его искаженное злобой лицо.

– Ваши знания вы превращаете в тайну! Вы надменны и скрытны. Никто из нас не ведает, что творится за этими стенами. Ваше братство отгородилось от всего мира. Как вы используете добытые тайны? Какие обряды вы там совершаете? Каким богам поклоняетесь? Мы требуем ответа!

– Ответа! Ответа! – загудела толпа.

Сотни негодующих глаз буравили Пифагора. В их позах читалось алчное нетерпение, словно голодный люд смотрел

на пир из-за решетки.

– Числу, – выдохнул математик и, видя, что его не расслышали, бесстрашно выкрикнул: – Мы поклоняемся Числу!

Он хотел объяснить величие и могущество самого точного божества, но толпа его опередила.

– Нет такого Бога!

– Он издевается над нами!

– Он научился считать, чтобы обкрадывать нас!

– Тихо! – взмахом руки остановил балаган предводитель.

Чувствовалось, что из всех собравшихся он единственный четко знал, чего хотел. – В последнем походе наши воины собственной кровью одержали тяжелую победу. Горожане поддерживали их всем, чем могли. Армия вернулась с огромной добычей. И где сейчас это богатство?

Вожак восставших с поднятой рукой развернулся к замершей толпе. Народ, не дыша, ждал ответа. Выждав паузу, оратор яростно ткнул указательным пальцем в направлении Пифагора.

– Всё присвоили и разделили правитель города и пифагорейское братство! А простой народ опять оставили ни с чем! Это справедливо?

– Нет! – разом взревели сотни глоток.

– Кто в этом виноват?

– Он!

– Что за это полагается?

– Смерть! Смерть!

Народ, угрожающе размахивая факелами, придвинулся к стенам здания. Шум толпы не позволял им ответить. Пифагора одернул один из учеников.

– Покиньте балкон, учитель. Вы только раздражаете их.

Математик отступил вглубь комнаты. Человек в хитоне с серебряными застежками проводил его сверкающим взглядом триумфатора.

– Кто управляет безумцами? – спросил Пифагор о предводителе разгневанной толпы.

– Силон. Много лет назад вы не приняли его в священное братство математиков. Он затаил на вас злобу.

– Черная зависть способна сделать из жалкого неудачника мстительного преступника, – скорбно покачал головой Пифагор. – Где правитель города? Почему он не приходит нам на помощь?

– Он с охраной сбежал еще утром. Во дворце остались только слуги.

Отдельные крики за стенами слились в яростный гул разбушевавшегося моря. На балкон упал горящий факел. Самый юный из учеников торопливо спихнул его вниз и вернулся к Пифагору. Его красивые глаза расширились от ужаса.

– Они поджигают стены здания, – испуганно сообщил юноша.

Математик поднял печальный взгляд и задумчиво произнес:

– Как жаль, что я не успеваю.

– Учитель, наш дом сейчас сгорит!

Пифагор спокойно посмотрел на перепуганного молодого человека, ободряюще похлопал его по предплечью и сказал:

– Паника плохой советчик, друг мой. Идем к братству.

По широкой лестнице Пифагор спустился в просторный центральный зал, где его ждали более двух десятков встревоженных учеников. Среди них были как юные с невесомым пушком на подбородке, так и зрелые мужи с окладистой бородой. Долгие годы Пифагор отбирал самых способных к математике и посвящал их в волшебный и таинственный мир чисел. Они жили как братья и достигли выдающихся результатов, но не спешили выносить их за стены этого здания. Открывшаяся красота и безукоризненная грациозность математического мира сохранялась ими как бесценный сосуд в священном храме науки. С помощью добытых знаний они строили модель окружающего Мира и не хотели представить публике неоконченную работу.

Однако сегодняшний день рушил эту систему.

Математик остался стоять на предпоследней ступеньке лестницы. Отсюда он был лучше виден и слышен.

– Братья, – обратился Пифагор к собравшимся, – мы много лет поклонялись его величеству Числу. В благодарность за наше упорство и терпение оно открыло нам немало удивительных тайн. Среди них есть поистине великие, способные улучшить окружающий мир. Мы бережно хранили их и передавали только друг другу. Нашим знаниям многие завидуют. Зависть гложет их маленькие души, они боятся нас и хотят уничтожить. Вы слышите, как разгораются стены этого доброго дома, служившего нам защитой. Здесь нас посещало озарение. Здесь мы создали атмосферу, где сам воздух был пропитан числами и формулами. Мы дышали и наслаждались ими. Но сегодня я призываю вас навсегда покинуть это здание. Попытайтесь спасти наши рукописи. Вы должны вырваться из огня и разъехаться во все уголки великой Греции. Пришло время поделиться нашими знаниями с обществом. Отныне вы не ученики, а учителя. Наши достижения в математике не должны быть уничтожены!

Взволнованное братство загудело.

– Учитель, с кем пойдете вы?

– Я стар и останусь здесь.

– Но, учитель...

– У вас нет времени! Спешите! Расходитесь по дому и убегайте через разные окна. Кто-нибудь из вас обязательно вы-

рвется. – Пифагор жестом остановил ропот. – И помните о моей последней великой проблеме. Те, кто останутся в живых, должны приложить максимум усилий для ее решения. Если у вас не получится, передайте проблему своим ученикам. Эта загадка должна быть решена.

В дальнем углу зала вспыхнула занавеска, огонь прополз по стене и лизнул потолок.

– Пора. Бегите! – махнул рукой Пифагор.

Он дождался, пока ученики в смятении покинули зал, и направился в свою комнату в правом крыле здания. Старый математик плотно прикрыл дверь, подоткнул под нее одеяло и сел за стол. У него еще остаются минуты, чтобы заняться любимым делом.

В последние дни на рабочем столе Пифагора неизменно лежала запись самой знаменитой его теоремы:

$$\alpha^2 + \beta^2 = \gamma^2$$

в любом прямоугольном треугольнике сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы. Ниже были начертаны тройки целых чисел, удовлетворяющих этой формуле, во главе с самой красивой из них: 3, 4, 5. Была здесь и ошеломляющая комбинация: 99, 4900, 4901. Такие числа ученики называли пифагоровыми тройками. Пифагор изобрел метод отыскания таких троек и доказал, что их существует бесконечно много.

Но стоило в том же уравнении всего лишь заменить сте-

пень 2 на 3, как всё непостижимым образом менялось. Заурядная задача превращалась в архисложную. Вот уже год Пифагор не мог найти ни одной комбинации целых положительных чисел, удовлетворяющих новому уравнению третьей степени. С этой же проблемой не могли справиться и его энергичные ученики. Простое на первый взгляд уравнение не давалось никому.

Великий математик погрузился в раздумья. Ему страстно хотелось отыскать эти загадочные сочетания цифр, чтобы завершить свою жизнь, наслаждаясь новой победой разума над тайнами мира чисел.

В комнате становилось жарко, сквозь щели проникали тонкие струйки удушливого дыма, но увлеченный мудрец лишь прикрыл рот тонким платком, смоченным в вине. Он чувствовал, что блуждает где-то рядом с удивительной разгадкой. Под напором огня затрещала дверь, пламя ворвалось в маленькую комнату, охватывая желтыми щупальцами стол и стул под Пифагором. Математик вздрогнул. Но вздрогнул не от языков пламени, коснувшихся его одежды, а от замечательной идеи, как вспышка молнии озарившей его сознание.

А вдруг он ищет то, чего не существует? Ведь в математике даже отрицательный результат – тоже полноценное достижение. Таких целых чисел нет вообще! И вот тому прекрасное доказательство!

Пифагор быстро записал строгие математические выкладки, доказывающие его идею. И тут же схватил рукопись,

намереваясь выбраться из комнаты. Новое достижение не должно погибнуть, он обязан его спасти!

Математик рванулся к двери, проем дышал жарким пламенем. Он устремился к окну. Рука схватилась за подоконник, там – спасение! Но сверху упала горящая балка и ударила его по спине. Пифагор рухнул, попытался встать, однако почувствовал, что ноги не слушаются его.

И тогда Пифагор успокоился. Он закрыл глаза, окунувшись в умопомрачительную Красоту гениального доказательства. Огонь полз по его одежде, но сила счастья, охватившая его дух, была выше боли брэнного тела.

Великий математик умер абсолютно счастливым.

Изумленный опер Виктор Стрельников нещадно корил себя. Где же его хваленая наблюдательность, которую так ценят коллеги? Как он сразу не узнал в этой принципиальной старушке с умным цепким взглядом ту строгую, но совершенно нестандартную учительницу математики из специализированной школы? А ее жизнерадостные присказки: «дважды два – четыре» и «дважды два – пять» – как их можно забыть? Первая, одобрительная, сопровождалась сдержанной улыбкой, а вторая – колючим ехидным взглядом.

Вишневская еще в молодости дерзко игнорировала раннюю седину и совершенно не красила волосы. В те годы серебряная изморозь только начинала отвоевывать жизненное пространство в черных локонах молодой женщины, а сейчас одержала безоговорочную победу.

Надо отдать должное, седина ее не портила. Модная одежда и современный макияж Валентины Ипполитовны всегда выделяли ее среди серых коллег, но сильная хромота в сочетании с незаурядным интеллектом и нетерпимостью к чужим ошибкам отпугивали потенциальных женихов. Она и раньше была одинокой, и сейчас Стрельников не заметил на ее безымянном пальце обручального кольца.

Валентина Вишневская раздробила левую ногу в юности в результате жуткой автомобильной аварии. Вопрос стоял

об ампутации, но нашелся хирург-кудесник, который по кусочкам собрал сломанные косточки и сохранил красивой девушке живую ножку, хотя она и получилась короче и уже не такой стройной и гладкой, как невредимая правая. Так пятнадцатилетняя озорная Валя Вишневская превратилась из расцветающей красавицы в жалкую хромоножку. Одноклассники от нее отвернулись.

В студенческие годы развязные парни порой обращали на Валию внимание, но с одной единственной целью. Они считали, что девушка с дефектом более покладиста и не станет возражать, если они такие крепкие и полноценные завалят ее в постель. И бывало, что Валя верила наглцам и дарила им себя слепо и беззаветно. Но после каждого такого случая ее ждало горькое разочарование. Победитель не утруждал себя ухаживаниями и нежностями, потому что искренне верил, что благодетельствовал калеку и имеет теперь право пользоваться ею когда угодно. Особо циничные рассказывали о ней сальные истории и называли хромой давалкой. Чаще всего так поступали невзрачные парни, которых отвергли красивые девушки. Вырвавшись из-под гнета собственной неполноценности, они превращались в безжалостных нравственных уродов.

Сполна хлебнув подобного «счастья», Валентина Вишневская после окончания педагогического института уже не верила ни одному мужчине и всячески сторонилась любых знаков внимания с их стороны. Сны о красивом принце, ко-

торый нежным поцелуем снимет с нее оковы хромоты, остались в прошлом. Подушка больше не намокала от девичьих слез. Вишневецкая сосредоточилась на работе. Не на карьере и показных результатах, а на повседневном незаметном труде школьной учительницы математики.

Она стремилась заинтересовать, удивить и увлечь учеников изучением своего любимого предмета. Свободное время она посвящала самообразованию, а сферой ее интересов являлось всё многообразие проявлений законов науки в повседневной жизни. Особенно увлекали ее неразгаданные научные тайны. Она щедро делилась полученными знаниями и часто отступала от дидактических рекомендаций школьной программы, за что ей неизменно доставались шишки на педсоветах и восторженные глаза учеников в классе.

Трудно сказать, чем бы закончилось столь своенравное поведение молодой учительницы в советской школе, если бы не случай. Мама одного из учеников поделилась сомнениями со своей подругой. Та узнала подробности и поведала о странной учительнице своему отцу, директору лучшей в Ленинграде специализированной школы с математическим уклоном. Опытный руководитель навел справки, побывал на ее занятиях, и вскоре Валентина Ипполитовна Вишневецкая была переведена в его школу. Здесь приветствовались увлеченные преподаватели с нестандартным подходом и широкой эрудицией.

Валентина Ипполитовна поправила яркий шифоновый

платок на шею и подошла к Стрельникову, продолжавшему пребывать в растерянности рядом с портретом Пифагора.

– Вы, Виктор, учились в нашей школе до седьмого класса, а потом перешли в обычную.

– Да, Валентина Ипполитовна, у вас хорошая память.

– Пока не жалуясь. Я даже помню ваши ошибки в контрольных.

– Они были так интересны?

– Нет. Просто у других учеников они почти не встречались, а у вас их было много. Это запоминается. Вы правильно сделали, что сменили школу. – Бывшая учительница мягко улыбнулась.

Стрельников смущенно крикнул, словно почувствовал себя на уроке.

– Это не я. *Вы* посоветовали родителям, – напомнил он.

– Разве? – женщина выразительно прищурилась, словно обращалась к ученику у доски. – Вы об этом жалеете?

Старший лейтенант с улыбкой покачал головой. Его глаза торопливо пробежались по книжным полкам, вернулись к портрету Пифагора, оперуполномоченный выпрямил спину и бодро отрапортовал:

– Возвращаясь к вашему вопросу, Валентина Ипполитовна, могу с уверенностью заявить, что проживающий здесь гражданин занимается математикой.

– Как дважды два – четыре.

Милиционер зарделся от давно забытой похвалы.

– Его зовут Константин Данин, – продолжила Вишневецкая. – Он на пять лет старше вас и был одним из лучших учеников нашей школы. Вы понимаете, что это значит?

– Догадываюсь. Ошибок в его контрольных вы уж точно не припомните.

– Зато я помню его красивые решения.

– Да-а, о каждом из нас остается *своя* память.

– Это лучше, чем полное забвение. Белое и черное предпочтительнее грязно-серого, – успокоила опытный педагог. – Вы были очень непоседливым мальчиком, и вот теперь – старший лейтенант милиции, сыщик! Я, признаться, всегда завидовала этой профессии. Родись я мальчишкой, глядишь, была бы вашим начальником.

Пожилая женщина вздохнула, и в этом жесте действительно чувствовалось сожаление. Оперуполномоченный вспомнил о своих прямых обязанностях и спросил:

– Где сейчас работает Константин Данин?

– В последнее время нигде. То есть работает, конечно, но дома.

– Дома? – Стрельников явно заинтересовался услышанной информацией. – Неужели нигде не ценят гения?

– Гением быть трудно, Виктор. – Учительница сделала вид, что не заметила иронии в словах милиционера. – У них несколько иные представления о том, что такое успех или счастье.

– Это меня и пугает. Если Данин нигде не работает, зна-

чит, в момент убийства он мог находиться в квартире.

Вишневская скептически посмотрела на старшего лейтенанта.

– Я думаю, это неправильная версия. Как дважды два – пять!

– Вы что-то знаете? – с плохо скрываемым неудовольствием спросил Стрельников. – Софья Евсеевна упоминала о сыне, когда возвращалась домой?

– Нет, она ничего ни о ком не сказала. Спешила за кошельком.

– А кошелек, между прочим, на месте, – сквозь зубы процедил оперативник. Профессиональная уверенность вновь вернулась к нему. – Так чаще всего и случается, когда убийство происходит на почве бытовой ссоры.

– Да не ссорились они!

Милиционер снисходительно взглянул на пожилую женщину. Уж он то мог бы поведать наивной учительнице о той грязи и мерзости, которая порой творится во внешне благополучных семьях и выползает наружу в виде вот таких бессмысленных убийств.

Входная дверь отворилась, в прихожей зашуршала снимаемая верхняя одежда. Стрельников мгновенно напрягся, прижался к стене, рука потянулась к наплечной кобуре. Мысли просчитывали варианты: вернулась врач «скорой», только что покинувшая квартиру, или пришел каяться главный подозреваемый. Бывшая учительница неодобрительно

следила за рукой милиционера.

В дверях комнаты появился худой взлохмаченный мужчина с высокими залысинами. На его вытянутом лице выделялись крупные пластмассовые очки с обмотанной изолентой дужкой. Неравномерная щетина на щеках говорила о том, что брился он дня три назад, причем совершенно неаккуратно. Свитер крупной вязки, вытянутый в вороте и локтях, и старые давно не глаженные брюки, украшенные снизу шрапнелью засохших брызг, дополняли портрет одинокого мужчины средних лет, лишённого женской заботы.

Вошедший человек смотрел в пол, беззвучно шевелил губами и с изумлением заметил присутствующих после того, как Валентина Ипполитовна, всплеснув руки, шагнула к нему и обняла за плечи.

– Костя, здравствуй. С твоей мамой произошла беда.

Константин Данин застыл посреди комнаты и тревожно пялился большими карими глазами на незнакомого ему Стрельникова, вынырнувшего словно из ниоткуда с самым суровым выражением лица.

– Разрешите ваши документы, – сухо потребовал старший лейтенант.

– Паспорт там, в ящике, – Данин растерянно указал в сторону стола.

– Это Константин Яковлевич Данин, математик, сын Софьи Евсеевны, – представила мужчину Вишневская. – А это старший лейтенант милиции Виктор Стрельников. Вот вы и

познакомились.

Милиционер не разделял дружеского тона пенсионерки. Он уже листал паспорт, не забывая поглядывать на странного математика. Данин заметил беспорядок на рабочем столе и импульсивно бросился к нему.

– Что здесь творится? Я никому не разрешаю прикасаться к моим бумагам. Никому!

– Теперь эти вопросы в моей компетенции, – отрезал старший лейтенант.

– Константин, здесь всё так и было, – поспешила вмешаться Вишневская. – Милиционеры ничего не брали. А что-то не так?

– Кто-то рылся в моих бумагах. Мама никогда это не делает. – Данин нервно перебирал разрозненные записи, будто что-то искал. Вскоре он истерически рассмеялся. Листы выпали из его рук и разлетелись по полу.

– Что-нибудь пропало? – тревожно поинтересовалась Валентина Ипполитовна.

– Да так, сущие пустяки, – лицо математика, искаженное сарказмом, повернулось к милиционеру. – Что здесь происходит? Зачем вы здесь?

– В вашей квартире произошло печальное событие, Константин Яковлевич. А именно: убийство вашей матери.

Старший лейтенант следил за выражением лица Данина. Первые эмоции многое могут сказать о подозреваемом. Тот, словно не расслышал оперативника и перевел непонимаю-

щий взгляд на бывшую учительницу.

– Да, Константин, это так. Кто-то ударил Софью Евсеевну по голове. Она умерла.

– Вы разве ничего не заметили, когда вошли в квартиру? – с подковыркой спросил милиционер.

– Я? Нет, – покачал головой математик.

– Странно.

– Она на кухне, – подсказала Вишневская. Учительница знала, что в сосредоточенном состоянии многие ученые действительно всё делают машинально и ничего не замечают вокруг.

Данин пробежал по коридору и натолкнулся на эксперта, деловито склонившегося над телом матери. Тот сделал строгий знак Алексею Матыкину:

– Никого сюда не пускать! Хватит, уже натоптали.

Молодой оперативник заслонил широкой грудью проход. Растерянный Данин приподнял очки, потер глаза и медленно вернулся в комнату. Худое тело беспомощно плюхнулось в выдавшее виды кресло.

– Как вы понимаете, я должен задать вам несколько вопросов, – продолжил разговор Стрельников, буравя пытливым взглядом математика. Подавленное состояние Данина его вполне устраивало. В этом случае заведомую ложь легко распознать. Милиционер с напором спросил: – Где вы были сегодня в последние полтора часа?

– В Петербурге, – устало шепнул Данин.

– Это и так понятно. Я спрашиваю, где вы находились в период, – Стрельников взглянул на часы, чтобы определить время преступления, – с одиннадцати тридцати до текущего момента?

– Я гулял по улицам Петербурга.

– Вы вышли из дома одновременно с Софьей Евсеевной?

– Нет. Когда я уходил, она только собиралась в магазин.

– Допустим. Куда вы пошли?

– Домой.

– У вас есть второй дом?

– Нет. Я вышел из дома, чтобы вернуться в него.

– А цель вашей прогулки?

– Во время монотонного движения мысли упорядочиваются.

– То есть, вы бродили бесцельно?

– Я думал! Что тут непонятного?

– Хорошо. Кто вас видел во время прогулки?

– Люди, не страдающие слепотой, при условии, что я попадал в их поле зрения и их глаза были открыты.

– Хм-м. Кто конкретно может подтвердить ваши слова?

– Каждый, если они меня запомнили и умеют говорить.

– Вы намерены издеваться над следствием? – разъярился

Стрельников.

– Я стараюсь отвечать на ваши вопросы максимально точно, – спокойно ответил Данин.

В комнату заглянул Семеныч. Его тонкие усики, требо-

вавшие кропотливого ухода, лучше всего отражали его натуру. Опытный эксперт свою работу выполнял осторожно и тщательно.

Семеныч быстро оценил напряженную обстановку, поманил к себе Стрельникова и зашептал ему на ухо. Тот выслушал, медленно втянул носом воздух, что-то обдумывая, и решительно заявил:

– Так. Сейчас мы снимем отпечатки пальцев. С вас и с вас, – старший лейтенант указал на Данина и Вишневскую.

– Это необходимо? – поинтересовалась бывшая учительница.

– Это позволит ответить на важный вопрос.

– Тогда я не возражаю, – согласилась пенсионерка.

Пока эксперт обрабатывал полученные отпечатки, старший лейтенант выдал новую команду.

– А теперь, Валентина Ипполитовна, с вашей помощью мы должны воспроизвести точное положение тела в момент обнаружения.

Женщина понимающе кивнула, отложила ватку, которой она протирала испачканные краской пальцы и с готовностью прошла на кухню. Там она без «охов» и «ахов» принялась руководить молодым опером с физиономией боксера.

– Переверните ее, пожалуйста, лицом вниз. Да, вот так. Чуть-чуть сюда. Лицо было повернуто вправо. Левая рука согнута, прижата телом, а правая, наоборот, вытянута. Кисть лежала в луже среди рассыпавшихся цветов. Эти розы я ей

подарила две недели назад, первого октября. Я только с лета на пенсии. Мне некоторые ученики до сих пор цветы дарят на день учителя. Вот я с ней и поделилась. Софья Евсеевна ведь тоже учителем была, преподавала математику в ПТУ. Но о ней все забыли.

Валентина Ипполитовна укоризненно посмотрела на Стрельникова, будто он лично виноват в забвении погибшей учительницы.

– Не отвлекайтесь, – вежливо одернул ее старший лейтенант. – Посмотрите внимательно. Теперь всё так, как вы застали?

Пенсионерка повертела седой головой и утвердительно кивнула.

– Да, именно так.

– А где до момента преступления стояла ваза с цветами? – поинтересовался оперативник, перебегая взглядом от Вишневской к притихшему Данину.

– На холодильнике. Вот здесь, – первой указала Валентина Ипполитовна.

– Угу, высоко. Значит, случайно зацепить при падении жертва ее не могла. – Он крикнул в коридор. – Семеныч, ты закончил?

– Готово, – подтвердил Барабаш.

– Зафиксируй картинку.

Эксперт попросил всех отойти и щелкнул несколько раз фотоаппаратом. Когда он закончил, старший лейтенант во-

просительно посмотрел на него.

– Семеныч, что у нас с пальчиками?

– На вазе, которая послужила орудием убийства, имеются свежие отпечатки правой руки этого человека. – Эксперт без эмоций указал на Константина Данина.

Виктор Стрельников победоносно улыбнулся. Дело и впрямь оказалось не сложным. Его голос окрасился стальными нотками:

– Константин Яковлевич, мы задерживаем вас по подозрению в убийстве Софьи Евсеевны Даниной.

Старший лейтенант сделал знак оперу-боксеру. Матыкин мгновенно оказался рядом с математиком и железной хваткой сжал ему кисти рук.

– Зачем? Это же бессмысленно! – возмутилась Вишневецкая. – Константин здесь проживает, и его отпечатки, естественно, могут быть где угодно.

Милиционер поежился под сердитым взглядом бывшей учительницы, но проявил твердость.

– Увести, – кивнул он коллеге. – Вези в отдел.

Щелкнули наручники. Данин, молчавший всё это время и напряженно смотревший в пол, еле слышно произнес:

– Теорема Ферма... из-за нее...

Он хотел что-то показать, но молодой оперативник подтолкнул упирающегося Данина к выходу.

– Пшел, – буркнул опер-боксер. – Следователю будешь про теоремы байки заливать.

Константин с трудом удержал равновесие. Его качнувшаяся голова оказалась около учительницы. Тусклые глаза под толстыми стеклами неожиданно посветлели. Данин шепнул:

– Там было не всё.

– Да, пошел ты! – ругнулся Алексей Матыкин и толкнул задержанного еще раз.

По коридору протопали две пары мужских ботинок. Эксперт Барабаш подхватил чемоданчик и хотел уйти вслед за ними, но около входной двери задержался и пригляделся к простенькому замку. В его руке появилась отвертка.

Вишневская проводила растерянным взглядом сгорбленную фигуру лучшего ученика и повернулась к старшему лейтенанту.

– Это невозможно! Я тридцать лет знаю Костю Данина. Он не способен на такое. Он безобиден. Константин думает только о математике.

– В жизни чего только не бывает, Валентина Ипполитовна, – Стрельникову было жаль бывшую учительницу. Как и многие обыватели, она пребывала в святой уверенности, что убийцы и насильники существуют где-то отдельно от обычных людей. – Пройдемте в комнату. Сейчас приедут из прокуратуры, и еще раз понадобятся ваши показания. После этого мы опечатаем квартиру.

– Вы совершаете ошибку. Костю нельзя арестовывать.

– Я делаю свою работу. Дальнейшее будет решать следователь.

Расположившись в комнате, старший лейтенант дождался, когда женщина чуть-чуть успокоится, и смущенно спросил:

– А что за теорему он упомянул.

Валентина Ипполитовна удивленно вскинула выщипанные брови.

– Верно говорят: как корабль назовешь, так он и поплывет. Вам бы Стрельников только стрелять. Теорема Ферма – самая великая недоказанная теорема в математике! Ее более трех с половиной веков пытались доказать самые гениальные умы. Разве вы не помните, я рассказывала о ней в школе после изучения теоремы Пифагора?

– Я помню, что если нет доказательства, то это только гипотеза, а не теорема.

– Однако Пьер Ферма, который ее сформулировал, утверждал, что знает ее доказательство!

1637 год. Тулуза. Франция.

– ... на основании вышеизложенных фактов я считаю, что вина подсудимого полностью доказана. – Старый прокурор закончил свою нудную речь и с равнодушной усталостью посмотрел на судью.

Пьер де Ферма², Главный судья Суверенного суда парламента Тулузы, снисходительно усмехнулся. Но легкого движения его губ никто из присутствующих не заметил, Ферма уткнул подбородок в сцепленные ладони и почти прикрыл глаза. Со стороны казалось, что он анализирует слова прокурора и мучительно размышляет о судьбе подсудимого. Однако если бы кто-нибудь из публики услышал его внутренний голос, то наверняка ужаснулся.

«И это доказательство? Разве твои бредни можно величать столь высоким словом? – мысленно издевался судья над словами прокурора. – Часом раньше те же доводы приводил защитник и делал из них совершенно иные выводы. Что вы, великосветские недоучки, знаете о доказательствах?! Только в математике однажды доказанную истину никто не смо-

---

² Пьер де Ферма (17 августа 1601 – 12 января 1665) – французский математик. По профессии юрист. Автор ряда выдающихся работ, большинство из которых было издано после смерти его сыном. При жизни Ферма, полученные им результаты становились известны благодаря переписке и личному общению.

жет опровергнуть. Математическое доказательство абсолютно! Ему не грозит ни время, ни циничные рассуждения ту-пиц подобных вам. В математике законы не меняются с приходом новых правителей, а истина не зависит от воли судьи. Незыблемость математических доказательств достойна восхищения в отличие от вашего продажного словоблудия».

Пьер де Ферма опустил руки, приподнял голову. Все в зале напряженно следили за главным действующим лицом процесса и ждали приговора. А облеченный властью судья желал быстрее скинуть свою неудобную мантию и оказаться в доме за рабочим столом, где его поджидали увлекательные математические задачи.

«Пора заканчивать эту волокиту», – решил Ферма, приосанился и зычным голосом объявил приговор: сожжение на эшафоте! Собрав бумаги, он быстро покинул зал. Реакция собравшихся его не интересовала. В конце концов, мир не станет хуже, лишившись еще одного преступника.

Дома, наспех поужинав, Ферма уединился в своем кабинете. Азартный блеск глаз выдавал в нем возбуждение охотника, заметившего в кустах очертания вечно ускользающей вожаделенной добычи. Домашние знали, что в таком состоянии главу семьи нельзя тревожить.

Пьер де Ферма сел за стол и зажег свечи. Два огонька на подсвечнике осветили раскрытый том «Арифметики» Диофанта Александрийского. Пальцы судьи любовно разгладили страницы толстой книги с полутора тысячелетней истори-

ей. Ровесница «Нового завета», настоящая библия математиков, была написана греческим ученым Диофантом в древней Александрии.

В те времена книги и рукописи для Александрийской библиотеки собирались по всему миру. Каждый прибывающий в город корабль обязан был сдать имеющиеся на его борту книги в городскую библиотеку. Текст переписывался, копия возвращалась владельцу, оригинал оставался в городе. Кропотливыми усилиями образованных греков на протяжении нескольких веков была сформирована самая большая библиотека античного мира.

Блестящий математик Диофант³, работавший в Александрийской библиотеке, не только собрал воедино все достижения того времени, но систематизировал их и дополнил общими правилами и условными обозначениями. Он создал тринадцатитомную математическую энциклопедию, которой суждено было возродить интерес к математике в средние века. Пожары и войны не пощадили его труд. Сохранилось лишь первые шесть томов, которые прошли долгий путь через арабские страны, Константинополь и Ватикан, чтобы в семнадцатом веке увидеть свет на латинском языке.

Ферма узнал об именитом греке из занимательной задачки. Отдавая должное увлечению Диофанта, потомки выбрали на его могиле следующую эпитафию.

---

³ Диофант Александрийский – древнегреческий математик, живший в III веке. Написал «Арифметику» в 13 книгах. Сохранились только первые 6 книг.

В гробнице покоится прах Диофанта.
Лишь мудрый узнает усопшего прожитый век.
По воле богов шестую часть жизни он прожил ребенком.
И половину шестой встретил с пушком на щеках.
Минула седьмая часть, с любимую он обручился.
С нею, пять лет проведя, сына дождался мудрец;
Только полжизни отцовской возлюбленный сын его
прожил.
Отнят он был у отца раннею смертью своей.
Дважды два года родитель оплакивал тяжкое горе,
Тут и увидел предел жизни великой своей.

С удовольствием решив математическую головоломку, в которой была зашифрована продолжительность жизни греческого математика, Ферма поспешил заказать его труды. Тот, кому посвящено такое оригинальное надгробие, не мог писать скучные книги.

Сейчас на столе Ферма лежал второй том легендарной «Арифметики» Диофанта. Вот уже две недели он был раскрыт на занимательных задачах, связанных со знаменитой теоремой Пифагора. Их решение доставляло тулузскому судье подлинное удовольствие. За это время Ферма кропотливо и трепетно разобрался со всеми головоломными задачами кроме одной.

Ему никак не удавалось решить простенькое уравнение, на которое указал еще Пифагор:

$$\alpha^3 + \beta^3 = \gamma^3$$

Искомое решение требовалось найти среди натуральных чисел, то есть таких, которые возникают при естественном счете: 1, 2, 3 и так далее.

Он трудился над ним уже неделю. Каждую минуту, чем бы он не занимался, в его голове, раз за разом, прокручивались различные идеи и методы по решению проблемы. Одни мгновенно отвергались, другие причудливо трансформировались и приводили к рождению новых вариантов, которые, впрочем, тоже заводили в тупик. Но Ферма не сдавался. Мучительный поиск разгадки тоже был по-своему приятен.

Вчера поздно ночью к нему заглянула заспанная жена.

– Ты спать собираешься?

– Не мешай, я занят поисками, – отмахнулся Ферма, подставляя в уравнение очередную комбинацию чисел.

– Трудно искать черную кошку в темной комнате, – пробурчала удаляющаяся женщина.

– ...тем более, когда ее там нет, – эхом закончил пословицу муж.

Он услышал собственный голос словно со стороны, и на его лице застыла маска потрясения. Открывшаяся истина поначалу выглядела парадоксальной и даже циничной. Но, присмотревшись к ней, осторожно осяпав с разных сторон, он полностью проникся ею и окончательно осознал, почему за два тысячелетия никто не смог найти решения этой зада-

чи.

«Такого решения не существует! Натуральных чисел, удовлетворяющих этому уравнению, нет и быть не может!» — чуть не вскричал ошеломленный Ферма.

Но голословного утверждения мало. Математика приемлет только строгое доказательство, в котором нет спорных моментов или исключений. Перо сломалось под его рукой, пальцы ерошили волосы и терзали кружевной воротник, огонек свечи трепетал от частого дыхания. Всё стало с ног на голову. Вместо того чтобы искать решение, нужно было доказывать, что его не существует!

Изменившаяся перспектива открыла новые просторы для буйства мысли. Пьер де Ферма почувствовал себя в ударе. Несколько часов размышлений не прошли даром. И с первыми лучами солнца, проникшими в окно, его осенило. То, что долгое время лишь манило и являлось в виде отдельных намеков, как зыбкие очертания абстрактной ускользающей красоты, обрело реальную форму сияющего изумруда исти-

ны. Он нашел доказательство!

Он долго вертел его в голове, попробовал «на вкус» с разных сторон, в поисках скрытого подвоха, пока окончательно не убедился, что доказательство безупречно.

Находясь в эйфорическом состоянии, когда все чувства обострены, и каждая клеточка мозга сверхактивна и жаждет работы, Ферма быстро заменил в исходном уравнении степень 3 на 4. Поначалу он недоверчиво приглядывался к новому равенству. Можно ли решить его? Он сделал несколько заметок на полях книги и понял, что его доказательство подходит и для этого случая. Уравнение четвертой степени также не имеет решения в натуральных числах!

Счастье в своем самом концентрированном виде водопадом обрушилось на Пьера де Ферма. Но это была лишь малая часть огромной победы. Новые строгие рассуждения привели его к еще более неожиданному выводу.

Во всем бесконечном мире натуральных чисел не существует трех таких α , β , и γ , которые удовлетворяли бы уравнению:

$$\alpha^n + \beta^n = \gamma^n,$$

где $n = 3, 4, 5, \dots$

«Да! Да! И еще раз да! – окрыленный успехом Ферма в восторге потирал руки, переживая сладостный миг открытия. – Я окончательно доказал, что при любом n больше

двух данное уравнение не имеет решения в натуральных числах! Именно поэтому со времен великого Пифагора никто не смог найти его».

Влюбленный в математику провинциальный французский судья схватил перо и написал на полях книги уравнение и фразу, которую сотни лет будут повторять многие тысячи математиков, кто с восхищением, а кто и с сарказмом:

«Я нашел поистине удивительное доказательство этого предложения, но поля слишком узки для того, чтобы вместить его».

Ферма закрыл глаза и распахнул душу снизошедшей на него подлинной Красоте. Ощущение было столь прекрасным, а незримый образ столь безукоризненным и выверенным, что Ферма подумал: «Вот она – точная Красота нашего Мира. Теперь я знаю ее Великую тайну».

В это утро удивленная жена опять заметила неподдельное счастье на лице мужа. Он не спал всю ночь, а чувствовал себя так, будто обрел невиданное богатство. Она тайком заглянула в его комнату. Тот же стол с истлевшими свечками, тот же толстый фолиант на латинском языке с непонятными греческими знаками, только открыт он уже на новой странице с чистыми неисписанными полями.

И никаких сокровищ!

«Станный у меня муж, – печально подумала женщина. – Как ребенок радуется легкомысленным задачкам. Хорошо хоть об этих странностях никто из городских вельмож не до-

гадывается. Все его чудачества начинаются и заканчиваются в этой комнате, в окружении пыльных книг на греческом и латыни».

6

– Пьер де Ферма так и не опубликовал свое доказательство, – вздохнула Валентина Ипполитовна. – Тогда это не было принято даже среди математиков. Чего уж говорить про королевского судью, которому это могло стоить карьеры. Он был гениальным математиком-любителем. Ферма лишь коротко сообщал в письмах другим математикам о своих достижениях, как бы бросая им вызов: повторите мой результат, если сможете! Только в 1670 году его сын, отдавая должное памяти неординарного отца, опубликовал в Тулузе «Арифметику Диофанта с примечаниями Ферма». Ученым повезло, что поля в первой «Арифметике» были достаточно широкими. В новую книгу вошли сорок восемь примечаний Ферма, содержащих целую серию оригинальных теорем с обрывками доказательств, а порой и без них.

– А дальше? – спросил заинтригованный Стрельников.

– А потом началось необъявленное состязание. Математики, получив новую информацию, наперегонки стремились восстановить доказательства Ферма. Теоремы падали одна за другой. За долгие годы были проверены и доказаны все его утверждения. Но только одна теорема никак не поддавалась. Та самая про натуральные числа, к которой подступался еще Пифагор. За неуступчивость ее стали называть Великой теоремой Ферма.

– Вы увлекательно рассказываете, Валентина Ипполитовна.

– Я это делала и в школьные годы, Виктор. Только вы, видимо, пропускали мои слова мимо ушей.

– В отличие от Константина Данина?

– Уж он то всё схватывал на лету.

– И загадку о продолжительности жизни Диофанта он наверняка решил быстро.

– Сходу. А для вас она представляет трудность?

– В уме я плохо считаю.

– Голову надо развивать в любом возрасте, Виктор. Я запишу формулировку головоломки, а вы подумайте в свободное время.

Учительница стоя написала в блокноте текст эпитафии и вырвала страницу.

– А подсказка будет? – удрученно спросил оперативник, принимая листок.

– Для решения достаточно составить уравнение с одной неизвестной.

– Да-а, – старший лейтенант почесал подбородок и убрал листок. – Наверное, мы с Даниным сильно отличаемся.

– Вы один, он другой. Он был лучшим по математике. Его арест – непростительная ошибка.

– Валентина Ипполитовна, не переживайте. Это не арест, а временное задержание. Я должен был отреагировать на факты. Убийство все-таки. Кстати, меня удивила ваша реак-

ция на смерть близкой подруги.

– Что конкретно вас удивило?

– Невозмутимость.

– Это подозрительно?

– Я бы сказал – нетипично.

– Вы считаете, что я бессердечная?

Оперативник промолчал. Вишневская прихрамывая подошла к окну и осталась стоять спиной к Стрельникову.

– Когда-то я долго не могла смириться с неизбежным – своей хромотой. И только спустя годы выработала правило: не терзать себя понапрасну. Если случилось непоправимое, нельзя заикливаться на переживаниях, надо двигаться вперед.

– Для оперов – это норма. И все нас считают черствыми.

Учительница обернулась. Ее глаза вновь стали строгими.

– Когда отпустят Данина?

Стрельников хотел что-то сказать, но в квартире появились трое бесцеремонных сотрудников прокуратуры и громко поздоровались с ним:

– Привет, Стрелец. Говорят, ты уже раскрыл дело?

– Стараюсь, – развязно ответил старший лейтенант и шепнул пенсионерке: – Теперь всё будет решать следователь.

Он поспешил к вошедшим.

Домой, после нового обстоятельного допроса, Валентина Ипполитовна вернулась совершенно расстроенной. Она из-

давна приучала себя и своих учеников не переживать из-за того, что уже не исправишь, а думать о будущем. Поэтому и держалась Вишневская рядом с телом Софьи Евсеевны по обывательским меркам неприлично. Как бы не велика была утрата, но убитую подругу уже не воскресишь, а вот Константин может стать новой безвинной жертвой. Уж очень нахраписто вел себя следователь и задавал на редкость однобокие вопросы.

Сейчас Валентина Ипполитовна тревожно размышляла лишь об одном: как защитить Константина Данина? Ему нельзя сидеть в камере. Константин – гениальный математик, он физически слаб и не приспособлен для тюрьмы. Стрельников не хочет брать на себя ответственность, ссылаясь на букву закона. К кому бы тогда обратиться? Кто сможет помочь? Татьяна Архангельская? Ну конечно, она! Таня знает Костю с детства. Ее нынешний муж, Феликс Базилович, человек со связями, он сам многим обязан Данину и если захочет, то обязательно выручит его.

Валентина Ипполитовна потянулась к телефону, вспоминая, как первый раз увидела за школьными партами Костю, Таню и Феликса.

Это был ее первый день в новой специализированной школе. Ей должны были дать шестой класс, тот замечательный возраст, когда все главные математические открытия для учеников еще впереди, но с ними уже можно говорить на

равных. Однако директор попросил ее подменить заболевшую учительницу у первоклашек.

Когда Валентина вошла к ним, класс сразу притих. На новую учительницу-хромоножку смотрели настороженно. Вишневская не пыталась разом снять все барьеры, в конце концов, уже завтра она будет объяснять сложные формулы и задачи гораздо более подготовленным детям. А с малышкой что взять?

– Складывать числа, надеюсь, все умеют? – ласково спросила учительница.

– Да, – ответили несколько голосов.

– Тогда вот вам мое задание. Сложите все числа от 1 до 100. Кто первый справится, пусть поднимет руку.

По расчетам Валентины Вишневской, для выполнения этого задания детишкам понадобится целый урок. И у нее будет время лучше подготовиться к завтрашней важной встрече со *своим* классом.

Остроносая Таня Архангельская с двумя загнутыми на плечах косичками старательно сложила один плюс два и перевела взгляд с тетради в клеточку на Феликса Базилевича и Костю Данина, двух лучших учеников в классе. Кто из них быстрее решит трудную задачу? От этого зависело, с кем она будет дружить в первую очередь, а с кем во вторую.

Русоволосый Феликс сразу догадался, что надо применить хитрость. Он выписал в столбик первые три десятка цифр и сразу заметил, что цифры от 1 до 9 повторяются в каждом

десятке. Если их вычесть, то останутся только круглые числа. Теперь достаточно один раз сложить цифры от 1 до 9, умножить на 10, а потом быстренько прибавить оставшиеся круглые числа. Это не сложно! От радостного открытия Феликс прикусил губу и заерзал по парте. Он на верном пути и первым справится с заданием!

Таня уловила его ликующий жест. Она знала, что это означает скорую победу. Ну что ж, после уроков надо будет наемкнуть Феликсу, чтобы он помог ей донести домой портфель. Базилевич не только умный, но и симпатичный, думала девочка, мусоля во рту колпачок авторучки и искоса поглядывая на сосредоточенный профиль ее избранника.

Но первым руку поднял тщедушный очкарик Костя. Он в нетерпении потряс ею и даже стукнул по парте локтем, чтобы учительница заметила его.

– Тебе непонятно задание, мальчик? – спросила Валентина.

– Я решил его, – скромно сообщил Данин.

– Сейчас посмотрим, – снисходительно улыбнулась учительница и приструнила остальных: – Никто не отвлекается, все продолжают сложение! Лучшим будет тот, кто первым *правильно* решит задачу.

Валентина подошла к мальчишке в сереньком пиджаке мышинового цвета с разболтанной пуговицей под худым горлом. Он просто не понял задание. Сейчас она укажет на его ошибку и вернется за свой стол. За две-три минуты перво-

кляшка не мог справиться с такой трудной задачей.

– Покажи мне результат, – попросила учительница.

Мальчик указал на число: 5050.

Вишневская была поражена. Ответ правильный! Но, взглядевшись в краткую запись решения, учительница изумилась еще больше. Семилетний ученик применил формулу Гаусса для сложения арифметической прогрессии! Она даже не пыталась скрыть удивления.

– Откуда ты знаешь эту формулу?

– Я ее только что вывел.

– Как?

– Я сложил первое число с последним, второе с предпоследним и обратил внимание, что $1+100$, равно $2+99$, $3+98$ и так далее. Имеем пятьдесят пар по сто одному. Умножаем и получаем результат.

– Хорошо. – Учительница не знала, как реагировать на удивительную логику. – Но у тебя записана формула для общего случая.

– Я решил вместо 100 поставить переменную n . Вдруг вы сейчас попросите сложить все числа от единицы до тысячи. – Чернявый мальчик, стриженный под машинку, смотрел снизу вверх просто и бесхитростно. – А что, я ошибся?

– Нет. Всё правильно, как дважды два – четыре. – Валентина беспомощно развела руки, в первый раз столкнувшись с подобным проявлением гениальности. – Как тебя зовут?

– Костя Данин.

– Пожалуй, Костя, я дам тебе еще одну задачу.

В тот день Валентина Ипполитовна решила, что шестой класс может и подождать. Ей достаточно первого. Она будет добиваться права учить столь одаренного мальчика.

А Таня Архангельская, успевшая честно сложить первых три числа из ста, взглянула на разочарованное лицо Феликса и поняла, что ее портфель сегодня несет не он, а Костя Данин. Она даже согласна вынуть оттуда самый толстый учебник, чтобы ему было легче.

Так Валентина Вишневецкая стала школьным учителем Константина Данина, а затем и его классным руководителем. Ей пришлось усиленно заниматься самообразованием, чтобы соответствовать стремительному прогрессу ученика и не переставать удивлять его, открывая всё новые и новые двери в неизведанное. С каждым годом это становилось делать всё сложнее. В старших классах Валентина Ипполитовна уже не могла угнаться за его неумемной жадой к знаниям. Но она нашла выход. Учительница старательно подыскивала интересные книжки по математике и дарила их ненасытному ученику.

Мысли молодежкой пенсионерки вернулись к сегодняшнему печальному дню. Константин Данин вел себя странно только в глазах людей, совершенно не знающих его. Даже в самом отчаянном положении он думал только о математике. Что он прошептал перед тем, как его увели?

Теорема Ферма. Великая загадка всегда терзала Констан-

тина Данина.

Валентина Ипполитовна хорошо помнила, как познакомилась любимого ученика с этой ахиллесовой пятой математики.

Урок алгебры в седьмом классе начался как обычно. У нее было важное сообщение, но она всячески сдерживала себя, приберегая радостную новость к концу занятия. Незачем отвлекать ребят, учебный процесс превыше всего, без упорного труда не будет и хороших результатов. Но вскоре после звонка в класс зашел директор школы, грузный мужчина с густыми бровями и добрым лицом. Он часто посещал занятия и всегда приносил с собой один из томов «Большой Советской энциклопедии». Директор обычно садился за последнюю парту, шелестел тонкими страницами энциклопедии и, казалось, совершенно не следил за ходом урока.

В этот раз в его руке тоже была толстая книга, но проходить вглубь класса он не стал. Он расположился перед доской, лукаво прищурился, прощупал всех хитрым колким взглядом, давая время каждому ученику подумать, за какую пакость его сейчас будут публично отчитывать. Выждав многозначительную паузу, директор прочистил горло и торжественно объявил, что на городской математической олимпиаде ученик их класса Феликс Базилевич занял почетное третье место.

Все захлопали. Валентина Ипполитовна заметила, как

взметнулся пышный хвост Тани Архангельской. В этом году девочка вытянулась, похорошела, избавилась от ненавистных косичек и сейчас восхищенно смотрела на Базилевича. Третье место в огромном городе – это большой успех! Профессорская дочка Таня Архангельская, в отличие от других девочек, дружила только с умными мальчиками.

Феликс был явно смущен. Он принял грамоту из рук директора и исподлобья взглянул на Данина. Он прекрасно помнил, что подсмотрел решение одной из задач олимпиады у Кости. Выходит, остальные он решил лучше его и впервые обошел друга. Сегодня он победитель!

Феликс Базилевич расправил широкие плечи, приосанился. Стыдливый румянец исчез с его лица. Он гордо смотрел на одноклассников. Ему понравилось быть в центре внимания и принимать поздравления. Улыбающийся Феликс красовался перед классом до тех пор, пока директор не похлопал его по плечу и не предложил вернуться за парту.

Чтобы унять неутихающий гул директор поднял вверх толстую растопыренную ладонь.

– Ученики нашей школы не раз становились призерами городских олимпиад. Это хорошая традиция. Я рад, что вы ее продолжаете. Но первое место, к сожалению, наши ученики завоевывают не так часто, как хотелось бы.

– Следующий раз Феликс будет первым! – выкрикнул кто-то из класса.

Базилевич скромно потупился, но тут же решил, что так

не подобает вести себя победителю, и гордо улыбнулся. Он даже убедительно кивнул, обещая будущие успехи.

– К счастью нам незачем ждать следующего года, – продолжил речь директор. Его взгляд опять прошелся по всем и остановился на худом скромном мальчике в больших очках. – Единоличное первое место в городской олимпиаде по математике в этом году занял ученик нашей школы Константин Данин! Теперь ему предстоит защищать честь города на всесоюзной олимпиаде. Поздравляю, и давайте вместе пожелаем ему дальнейших успехов.

Татьяна Архангельская, как и все, перевела взгляд на Данина. Ее рот приоткрылся от удивления, а в больших карих глазах замелькали искорки неподдельного восторга.

Вместе с почетной грамотой директор вручил победителю олимпиады толстую математическую энциклопедию. Именно ее он принес сегодня в класс.

А от себя Валентина Ипполитовна подарила обоим отличившимся ученикам небольшие книжечки об увлекательной истории доказательства таинственной теоремы Ферма.

Яркое солнце.

А может дождь.

Какая разница, если гармоничный мир формул заслоняет собой всё!

Вернувшись домой из школы, семиклассник Костя Данин вытряхивает из раздутого портфеля на диван толстый том математической энциклопедии, учебники и красочную грамоту. Они его сейчас не интересуют. Из разномастной груды книг и тетрадей его рука нетерпеливо выхватывает книжицу о Великой теореме Ферма. Валентина Ипполитовна всегда умудряется отыскать нечто увлекательное и интересное.

Ранее учительница дарила ему книги о Пифагоре и Архимеде. И тот и другой встретили смерть, увлеченно решая математические проблемы. Пифагор погиб в огне. Архимеда заколол римский воин, когда отрешенный от всего мира ученый чертил на песке новые формулы. Они погибли за любимым занятием, совершенно игнорируя опасность.

Эти истории до глубины души потрясли Костю Данина. Насколько удивительна должна быть математика, если даже смерть не в силах напугать человека, увлеченного ею.

Косте не терпится. В его руках новая занимательная книга с формулами и задачами. Он плотнее закрывает дверь в комнату, чтобы отгородиться от запахов и шума коммуналь-

ной квартиры. Мальчик с ногами гнездится на старом уютном диване, который по ночам служит ему постелью. Завораживающе шелестят первые страницы.

А на общей кухне гремят кастрюли. Около ванной визгливо ругаются сварливые соседки. «Кто устроил незапланированную стирку?» «Ну, я. А что?» «Твой день когда?» «Во вторник». «А сейчас чё? Пятница!» «Так я же не виновата, что Мишка облевался!» «Виновата! Он водку больше чем тебя любит!» «Ах, так! Сейчас вывешу его облеваннные портки в коридор. До вторника! Пусть все нюхают!»

Но эти звуки Константина Данина больше не трогают. Внешний мир уплывает за горизонт. Он погружается в загадочный и удивительный мир строгих чисел и элегантных формул. Он испытывает потрясающее чувство азарта, сродни поиску таинственного клада, только ему не требуется для этого плыть через бушующий океан и разыскивать тайник на необитаемом острове. Причудливые острова, наполненные загадками, сами собой рождаются в его сознании.

Путешествовать через лабиринт математических открытий – это самое увлекательное занятие, которое можно только представить. Это лучше любых фильмов про войну или индейцев, лучше игры в футбол или подглядывания за переодеванием девочек. Он еще в младших классах осознал, что от решения интересной задачи, получаешь удовольствие гораздо большее, чем от пирожного с газировкой или новогоднего подарка. Сейчас кое-кто из сверстников уже целуется и

обжимается с одноклассниками. Они уверяют, что это высший кайф. Глупости! Пробриться через хитросплетения математических формул и найти правильное решение сложной задачи – несравнимо прекраснее. Когда это происходит, всё вдруг выстраивается в такую феерическую картину, что ты понимаешь: перед тобой – истинная Красота!

Достоевский сказал, что Красота спасет мир. Константин был полностью согласен с великим земляком. Ведь пронзительный писатель имел в виду не зыбкую красоту заката, благолепие свежих цветов или очарование смазливой мордашки. Всё, чем так восхищаются художники, быстро теряет свое вождение и назавтра уже кажется унылым и постаревшим. А фундаментальная Красота самых выдающихся математических решений сияет вечно!

Данин не сомневался, что именно такую незыблемую и точную Красоту подразумевал Федор Михайлович Достоевский, окончивший Главное инженерное училище, где изучал точные науки. Великолепные математические открытия не потускнеют никогда. Они служат людям, ведь в основе всего на свете лежит Его величество Число. Оно могущественно и вездесуще, а математики его счастливые подданные, которые делают жизнь лучше, удобнее и красивее. В благодарность за преданность и усердие Число им дарит Озарение.

Шуршат переворачиваемые листы. Константин захлебывается новой книгой. Вот перед ним теорема. Она сформулирована просто, и понятна даже пятикласснику. Но с на-

скоку к ней не подступиться. Щедрый и предусмотрительный Пьер де Ферма утаил ее доказательство. Он предложил остальным математикам самим отыскать потрясающий путь к истине. Он не хотел лишать их удовольствия самостоятельного открытия. За теорему брались самые великие умы.

Константин жадно читает захватывающую историю, ожидая, что, вот-вот, на следующей странице ему предъявят красивейшее доказательство. Он спешит еще раз насладиться чистой неподдельной Красотой.

8

Втолкнув задержанного в отделение, Алексей Матыкин расстегнул ему наручники, велел снять часы, ремень, шнурки и вытряхнуть все из карманов. Константин Данин безропотно выполнил требование милиционера, хотя не понимал смысла в подобных действиях. Но жизнь уже давно приучила его к смирению. Есть множество людей, которые не в состоянии разобратся в его элементарных логических выкладках. Значит, существует и обратное: люди, действия которых и ему не дано понять.

– Взяли преступника? – заинтересовался дежурный капитан Рыжков. – Я же говорил, что быстро раскроете. Он старушку шлепнул?

– Подозреваемый, – буркнул Алексей.

– Это дело поправимое. До суда в этом качестве посидит, а там пойдет со статьей. Будем закрывать?

– В камеру пока. Стрельников вернется и решит, как оформить.

– А что клиент? Колется? – небрежный взгляд капитана прошелся по сутулой фигуре Данина.

– Под умного косит. Математик.

– Ну-ну, ученый. И не таких умников раскалывали.

За спиной звучно хлопнула тяжелая металлическая дверь, лязгнул засов. Константин Данин оказался в маленькой по-

лутемной комнате без окон. Он ожидал увидеть неприятных соседей и внутренне напрягся, но, оказавшись в камере один, пристроился на дощатом настиле и успокоился.

Сегодня его мыслительный процесс, который так хорошо стимулировался монотонной утренней прогулкой, грубо оборвали. Его арестовали за убийство матери. Какая нелепость! В одном утверждении сразу две ошибки: он не виновен, и маму не убивали.

Константин никогда не мог взять в толк, почему власть достается людям, которые не знают законов математики? Это не только милиционеры. Попросите любого чиновника написать общее решение квадратного уравнения. И что? А ничего. Самодовольная улыбка – и всё! А ведь это программа седьмого класса. Почему перед защитой кандидатской диссертации ему пришлось сдавать кандидатский минимум по иностранному языку и истории, а перед назначением на высокопоставленную должность математический минимум не требуется? Может отсюда все наши проблемы?

А с мамой произошел несчастный случай, решил Константин. Он помнит, как она лежала. Мама неудачно упала и получила смертельный удар в голову. Наверное, потянулась за вазой на холодильнике, поскользнулась, и тяжелая стекляшка с массивным доньшком грохнулась на нее.

Что делала эта ваза на холодильнике? Он не раз объяснял маме, что любование цветочками – несусветная глупость. Это нерационально! Да и откуда цветы в их квартире? Опять

ВИ поделилась своими букетами.

Константин еще в младших классах сократил неудобное и ухабистое, как бег с барьерами, имя Валентина Ипполитовна до краткого и емкого ВИ. Зачем такие длинные имена людям? Вот у переменных в математике очень четкие и ясные обозначения. Они мгновенно запоминаются, с ними приятно общаться. А с людьми...

У Константина всегда были трудности с запоминанием фамилий. Познакомившись, он тут же забывал произнесенное собеседником имя. Вот милиционер, арестовавший его, он ведь представился. А как его зовут? Данин не помнил. Требовалось несколько встреч, чтобы новая фамилия отвоевала крохотную ячейку памяти в его упорядоченных мозгах, и не было никакой гарантии ее долгой сохранности там. Зато сложнейшие формулы и извилистые доказательства впечатывались в его памяти раз и навсегда.

К определенным датам ВИ традиционно дарили цветы. Так произошло и в этот год, когда она вышла на пенсию.

Странный ритуал цветодарения рациональный мозг Константина отказывался понимать. Этот обряд, кормивший гигантскую индустрию, по количеству приверженцев уже давно превзошел любую мировую религию и мало чем отличался от них. Люди верили, что таким нехитрым способом они совершают добро и приносят радость другим. Для цветочной религии не нужны были помпезные храмы, древние книги и вальяжные иерархи в золотых одеждах. Достаточно было

придумывать и культивировать в обществе ритуальные даты.

Бывали особые дни, когда значительная часть человечества сходила с ума в поклонении цветодарению. Для школьных работников это были: первое сентября, день учителя, дни рождения, 8 марта, последний звонок, каждый экзамен и выпускной. Считалось, что охапки убитых в период цветения, по сути, на взлете своего жизненного цикла растений, особенно радуют учителей. Якобы им нравится наблюдать за медленной смертью живого организма.

Но Константин знал, что настоящее удовольствие ВИ получала от нестандартных решений математических задач. Он видел, как пластиковое ведро из-под мусора, заполненное шуршащими букетами, небрежно сдвигается в сторону и трепетно разворачивается его тетрадь с оригинальным решением самой сложной задачи из последнего номера журнала «Квант». А вслед за этим дежурная растяжка губ ВИ сменялась радостной улыбкой.

Махровые цветочки кровавого цвета в тяжелой вазе появились в их доме с неделю назад. В результате, матери нет, а он арестован. Как всё нелогично! Это еще одно доказательство, что всё в мире устроено неправильно. Всё – кроме законов математики. Числа невозможно обмануть. Они сразу показывают просчет или подтверждают истину. А в жизни люди совершают ошибку за ошибкой и даже не замечают этого. Многие надрываются в бесконечных усилиях, не понимая, правы они или нет. Критерии, по которым оцениваются

поступки, различны в разных странах, меняются с приходом новых правителей и сменой эпох.

Мир несовершенен. Кроме математики. Ее законы не подвержены времени и не зависят от воли диктаторов. Ее результаты невозможно подтасовать. Математическое доказательство либо истинно, либо ложно. Третьего не дано, и в этом ее сила и незыблемость.

Константин Данин посмотрел на стену камеры со следами царапин. Кто-то из бывших узников пытался поведать о своей участи или написать пустое: Лена, я люблю тебя. Что есть любовь, если ее нельзя описать числами? Очередная игра, где каждый сам себе придумывает правила. Или все-таки любовь подвластна цифрам?

Математик задумался. Цифрами можно описать секс: продолжительность, частоту, амплитуду, максимальную площадь соприкосновения, изменение дыхания и температуры тела в процессе конвульсивных движений. Это любопытно, но достойно ли математики? Пусть над этим думают социологи или врачи. У него есть гораздо более интересные задачи.

Глаза пробежались по другим надписям. Исцарапанные стены, как это примитивно. Раньше он тоже стремился всё записывать. В школе его руки вечно хранили следы мела и чернил из вытекших стержней. Мысленно рассуждая, он повторял размышления на бумаге или школьной доске. Строки формул летели одна за другой, перечеркивались, объединя-

лись, сокращались, чтобы, в конце концов, выдать изящный и точный результат. Но вскоре он убедился, что запись нужна, чтобы поведать ход рассуждения другим. Для себя ему достаточно наметок, которые мгновенно восстановят в голове стройную картину доказательства.

И с годами его записи становились всё короче и короче. У него появились свои условные обозначения. Когда он излагал идею, то ставил восклицательный знак. Метод решения – два восклицательных знака. Логическую цепочку доказательства – три!

Сегодня на своем столе он не обнаружил часть бумаг, относящихся к теореме Ферма. Это был длинный многоступенчатый трактат, в котором на полях попадались и одиночные восклицательные знаки и даже двойные. В нем на протяжении долгих лет он фиксировал различные идеи, связанные с теоремой Ферма. Одни приближали его к доказательству, другие заводили в тупик.

Пропажа рукописи поначалу расстроила его, однако сейчас он о ней не жалел. Ведь он откопал ее в глубинах стола, чтобы оживить приятные воспоминания первооткрывателя, а затем выбросить, как ненужный хлам.

А может быть, рукопись до сих пор пылится в столе. Бумагами очень сложно управлять. Они теряются и портятся, поэтому все математические достижения хранились в его голове. И лишь краткие выжимки, как указатели в лабиринте, Данин помещал в блокнот.

Математик похлопал себя по карманам. Блокнот и ручку дотошные милиционеры изъяли вместе со шнурками перед тем, как отправить в камеру. Вот на его потертых страницах напротив мелко написанных формул часто встречались три восклицательных знака.

Константин Данин вспомнил необычную цель сегодняшней утренней прогулки и неумело улыбнулся.

Пытливый семиклассник Костя Данин жадно дочитывал подаренную учительницей книжку о загадочной теореме Ферма. Десятки самых выдающихся математиков брались за ее доказательство. Некоторые продвигались вперед, получая важные промежуточные результаты. Но кому же их них достанется слава первооткрывателя? Кто сбросит завесу тайны и предъявит миру гармоничное и стройное доказательство? Оно должно быть безупречно красивым, не сомневался Костя.

Он пролистывал страницу за страницей, в предвкушении встречи с прекрасным решением. Но в последней главе его ждало жестокое разочарование. Ожидание не оправдалось. Книга не содержала полного доказательства Великой теоремы. Более того, сообщалось, что за несколько веков никто так и не сумел отыскать то *«поистине удивительное доказательство»*, на которое намекал хитрый Ферма!

Юношеский максимализм подростка с трудом переваривал парадоксальный факт. Как это так, за три с половиной столетия наука достигла невиданных высот, люди пересели с телег на реактивные самолеты, расщеплен атом, покорена Луне, а тут простое уравнение из трех слагаемых остается нерешенным? Это противоречит всеобщему прогрессу!

Домашние задания были отброшены. С наивной смелостью

стью и безграничным энтузиазмом Костя Данин тут же взялся за поиск доказательства. Уж он то, победитель городской математической олимпиады в конце двадцатого века владеет не меньшими знаниями, чем средневековый любитель математики из провинциального французского городка. Если решение загадки было подвластно дилетанту, то лучший ученик специализированной математической школы с ним наверняка справится!

А опытные математики? Почему они не добились успеха? Они чего-то не заметили, решил семиклассник.

Расчетливый Феликс Базилевич тоже просмотрел подаренную книгу. В отличие от Константина он бегло пролистал страницы, понял суть и сразу заглянул в конец. Теорема Ферма до сих пор не доказана! Ее величают самой великой загадкой математики. Первый, кто найдет доказательство, получит славу и денежную премию.

Феликс задумался. Для него это означало ответ на вопрос: как поступить, по-умному или по-хитрому? Практичный подросток уже давно сводил почти все свои жизненные проблемы к данному выбору. По-умному, означало самостоятельный упорный поиск решения с применением всех своих знаний и умений, а по-хитрому – поиск обходного варианта, использование доступных знакомств и подвернувшихся обстоятельств. Именно так, по-хитрому, он поступил и на городской олимпиаде, когда списал решение самой сложной задачи у Данина и получил почетное третье место. Если о

теорему Ферма сломали зубы поколения высоколобых ученых, рассудил Феликс, то тратить на ее решение собственные силы тоже нецелесообразно. А вот увлечь ею гениального Данина и всегда быть рядом с ним, чтобы в случае успеха примкнуть в соавторы, гораздо эффективнее. Буду действовать по-хитрому, решил Базилевич.

Подталкивать Данина к теореме Ферма, однако не пришлось. Константин сам нырнул в водоворот формул как в живительный источник после изнурительного скитания. Он на добрых три недели зарылся в расчетах, часто пропускал уроки в школе, ему даже снились математические выкладки и, просыпаясь среди ночи, он хватался за бумагу, чтобы записать их. Но все решения оказывались с изъяном.

После нескольких бессонных ночей расстроенный семиклассник вынужден был признать, что его постигла печальная участь сотен других выдающихся математиков. Великая теорема оказалась неприступной. ВИ дружелюбно подтрунивала: кто ищет, тот всегда найдет, у тебя еще вся жизнь впереди. Костя хмурился, но от цели не отступил. Он сменил безудержный пыл на планомерное изучение успехов и ошибок предшественников.

Татьяна Архангельская, стремительно превращавшаяся из угловатой девчонки в кокетливую сочную девушку, почувствовала женской сущностью всплеск мужского интеллекта в вытянувшемся нескладном Константине. Это притягивало ее, и она использовала любой повод, чтобы быть ря-

дом с ним. Когда по окончании восьмого класса прошло сообщение, что какой-то сумасшедший в Эрмитаже плеснул кислотой и изрезал картину Рембрандта, она потянула его в музей. «Пока психи всё не уничтожили, мы должны насладиться великими творениями», – шутила она.

Константин стоял в зале Рембрандта перед пустым местом на стене, под которым еще сохранилась табличка «Даная», и внутренне усмехался. Как же легко можно уничтожить рукотворную красоту. Искусство беззащитно перед руками вандалов. Картины и скульптуры требуют строгой охраны. Их стоимость исчисляется миллионами, а точные копии считаются дешевыми подделками. Но если не варвары, то безжалостное время всё равно не щадит их. Да что картины, каменные храмы подвержены разрушению. Века и стихия уничтожают всё. Даже знаменитые семь чудес света человечество не в силах было сохранить. Красота произведений искусства хрупка и недолговечна.

Иное дело изящные математические доказательства. Их красота не меркнет с годами, в них можно разбираться или не понимать, но их нельзя уничтожить. Даже если сжечь все до единой записи какого-нибудь решения, строгие логические выкладки останутся в умах математиков и легко могут быть восстановлены. Напыщенные умники, осуждающие то или иное направление искусства, не в силах опровергнуть истинность математического доказательства. Раз доказанное математическое утверждение никогда уже не исчезнет, ни-

кто его не извратит и не опровергнет. Бесследно сгнули шесть из семи чудес света, уничтожены или забыты десятки тысяч произведений искусства, считавшиеся некогда великими и неповторимыми, но теорема Пифагора две с половиной тысячи лет стоит незыблемо. Ее красота не тускнеет. Все новые и новые варианты доказательства только украшают ее.

Татьяна Архангельская удивлялась потрясению обычно равнодушного к искусству Данина. Он надолго застыл около утерянной картины. На его лице отражалась борьба темной грусти и светлой надежды.

«Идем в другой зал. Там выставка золотых украшений, – настойчиво тянула его девушка. – Это безумно красиво». Константин бегло взглянул на потемневшие от времени полотна и безропотно пошел за Татьяной. Его уверенность в превосходстве математики обрела новые доводы.

Искусство противоречиво, думал он. Этого недостатка лишена царица наук математика. Когда хотят подчеркнуть необычайную ценность и красоту чего-либо, то сравнивают это с драгоценностями. Бриллианты, золото, изумруды – во все века их восхваляли и поклонялись им. Но драгоценности тоже не вечны. Их красоту можно уничтожить. Она однообразна и легко дублируется. Поэтому теореме Ферма глупо сравнивать с бриллиантом в короне математики. Скорее про самый огромный изумруд можно сказать, что он прекрасен, как доказательство теоремы Ферма. А с чем можно сравнить красоту математических выкладок? Только со светом солн-

ца или сиянием вечных звезд.

Но даже математическая красота имеет разные степени. Если он когда-нибудь докажет Великую теорему Ферма, то это доказательство должно стать эталоном красоты в математике.

С таким убеждением Константин Данин покинул одну из самых выдающихся в мире коллекций произведений искусства.

В старших классах и на первом курсе университета он вновь и вновь возвращался к теореме Ферма. Он изучил все методы и ошибки предшественников, постиг в совершенстве теорию чисел. Порой ему казалось, что он нащупал верное решение, но каждый раз оно коварным образом ускользало. Пьер де Ферма продолжал насмехаться над ним, как и над сотнями гениальных предшественников.

Уже достаточно опытный математик Константин Данин стал склоняться к мысли, что имеющихся на сегодняшний день знаний недостаточно. Для доказательства Великой теоремы необходим качественный рывок. Надо разработать совершенно новый метод или целый раздел математики.

Валентина Ипполитовна с нетерпением поджидала в своей квартире бывшую ученицу Татьяну Архангельскую. Дважды выходя замуж, девушка так и не сменила фамилию. Пожилой женщине это обстоятельство было только на руку. Она, как и все учителя, навечно запоминала своих выпускников по прежним именам из классного журнала. Постаревшая учительница и повзрослевшая ученица поддерживали отношения уже на протяжении двадцати лет после окончания школы. Во многом благодаря помощи практичной пробивной Татьяны, Вишневская получила звание заслуженной учительницы и повышенную пенсию.

Заметив припарковавшийся во дворе красный юркий автомобиль Архангельской, Валентина Ипполитовна поспешила на кухню заваривать чай. Под ногами вертелся кот Декарт, назойливо напоминая о себе. Но наглый обжора подождет. Учительница хотела, чтобы предстоящая беседа получилась долгой и обстоятельной. Они вместе должны помочь Константину.

Нервно затрещал звонок. Архангельская ворвалась в открытую дверь, сбросила длинное вишневое пальто и по-родственному обняла хозяйку.

– Валентина Ипполитовна, что произошло? Расскажите! Если не обращать внимания на встревоженный вид, вы-

глядела Татьяна по-прежнему великолепно, гораздо моложе своих тридцати семи лет. Одета она была модно, но консервативно: деловой костюм нейтрального темного цвета в тонкую полоску, белая блузка и укороченные сапожки в тон сумочке. О благополучии эффектной шатенки говорили известные марки производителей одежды, со вкусом подобранные дорогие украшения и тонкий аромат изысканных духов. Вот только школьная сутулость добросовестной ученицы, сохранившаяся навеки, несколько портила ее тонкую фигуру.

– Проходи, Танечка, проходи. Я и чай уже приготовила. Свой фирменный, с травами.

– Не до чая сейчас, Валентина Ипполитовна. Данин арестован, его мама убита. Это ужасно! Что между ними случилось? Как это могло произойти?

– В их отношениях, Танечка, всё было как обычно. Никаких штормов и, тем более, смертельных бурь.

– Но милиция его арестовала!

– Это задержание. Не разувайся, пройдем на кухню, я же не могу вечно стоять. И без чая, ты знаешь, я тебя не отпущу.

Хромая учительница прошаркала в маленькую кухню, где обычно принимала гостей. Женщины уселись за крохотный столик, накрытый самодельной вязаной скатертью. Жасминовый чай был разлит в тонкие чашки некогда подаренного Архангельской сервиза, и после первого глотка Валентина Ипполитовна со всей обстоятельностью преподавателя точ-

ных наук поведала об утренних событиях в квартире Даниных.

– Ужасно! – не раз покачивала головой во время рассказа Татьяна, а после окончания с тревогой спросила: – И как вы думаете, это он?

– Ни в коем случае! – возмутилась учительница. – Ты же знаешь Костю.

– Слишком хорошо знаю... Когда он погружен в свои мысли, то ничего не замечает. Может надеть чужую куртку, разбить что-то, а потом ничего не вспомнить. И с каждым годом это проявлялось у него всё острее.

– Но он же не вспыльчив.

– Если это не касается математики. Данин живет в абстрактном мире, где числа и формулы перевешивают человеческие отношения.

– Это крест многих ученых.

– Не скажите. Я уже пятнадцать лет работаю в математическом институте, и насмотрелась на докторов и академиков. Таких как Данин больше нет! Он погружен в океан математики, пропитан им, а они сидят на берегу и направляют на свои личные мельницы те волны, которые он создает.

– Он там уже не работает.

– Поэтому я и опасаясь. Я не видела его два года. Как он хоть выглядит?

– Всё такой же. Худой, за собой не следит, немножко не от мира сего.

– Вот-вот! – Архангельская извлекла из сумочки тонкую сигаретку, просяще посмотрела на Вишневскую: – Я закурю?

– Чего уж там, – вздохнула учительница и потянулась за керамической пепельницей, дежурившей для такого случая на подоконнике между горшочками с цветами.

Энергичная молодая женщина закинула ногу на ногу, красиво втянула дым и элегантно ударом длинного ноготка стряхнула пепел в подставленную пепельницу.

– У нас поговаривают, что Данин в последнее время стал несколько странным, – осторожно подбирая слова, начала она, но после очередной затяжки резко придвинулась к учительнице и рубанула: – А кое-кто заявляет прямо, что он окончательно свихнулся.

– Что значит, свихнулся? – отшатнулась Валентина Ипполитовна. – Дважды два – пять! Если он мыслит не так, как все, это не означает, что он душевнобольной.

– А кто же он, по-вашему? На его идеях десять докторских сделали, а Костя сто лет назад на кандидатской остановился. Так поступают только чокнутые!

– В тебе говорит былая обида. Константин гениальный математик, и этим всё сказано.

– Лучше бы был просто умным. И практичным.

– Как твой муж, Феликс?

– Хотя бы наполовину.

– Что-то мы отвлеклись, Танечка. – Вишневская подлила в чашки чай, подвинула сушки.

Архангельская посмотрела на пустующий стол, всплеснула руками.

– Вы извините, Валентина Ипполитовна. После вашего звонка я так спешила, что совершенно забыла конфет прихватить или пирожных.

– Я тебе сначала на рабочий звонила...

– Вы лучше сразу на мобильный. Я же теперь главный бухгалтер, сама себе начальник. Вы знаете, из неудавшихся математиков получают хорошие бухгалтеры. Да-да. Там те же цифры, но без интегралов и дифуров. Правда есть еще одно отличие, – Татьяна кисло улыбнулась. – Бухгалтерия не приносит удовольствия.

– Новый дом обживаешь? – как бы невзначай поинтересовалась Вишневецкая, подразумевая недавно построенный загородный дом Архангельской.

– По магазинам моталась. Квартальные отчеты сдали, можно и о себе родимой подумать. Я же работаю больше по привычке, чем по необходимости. Хочется на людях бывать. Если осяду дома, то закисну. У всех соседей заборы, как в Петропавловке. Киваем друг другу сквозь автомобильные стекла, и то больше машине. Кто там за тонировкой – не разглядишь.

– Давай, Таня, думать, как Косте будем помогать? – перешла к главному вопросу учительница. – Он не виновен – для меня это очевидно. Поднять руку на мать, ты прости... К тому же она учитель математики, а ты знаешь, как он трепетно

относится к числам и всем, что с ними связано.

– Чересчур трепетно, я бы сказала, *ненормально* трепетно, – с нажимом произнесла Архангельская.

– Танечка, ты говоришь, как плохой прокурор.

– А нам нужен хороший адвокат. Нужно срочно найти адвоката.

– Чтобы он за большие деньги переквалифицировал строгую статью на более мягкую? Убийство в состоянии аффекта! Как мило.

– Что вы предлагаете? – начала раздражаться Архангельская. – Я хочу ему помочь. Искренне хочу. Ведь я же его любила.

Она рывком отвернулась. Рука полезла в сумочку за косметичкой. В длинных пальцах появилось зеркальце и ватная подушечка. Валентина Ипполитовна не спешно поправила скатерть на столе, дав возможность Татьяне привести себя в порядок. «Эх, Таня, Танечка. Ты всегда в душе была экономистом, высчитывала, с кем тебе будет выгоднее. Если это теперь называют любовью, то наш мир сильно изменился. Но помочь Косте ты действительно можешь».

– Я не упомянула еще об одной важной детали, – выразительно сообщила учительница и сделала многозначительную паузу. Таким нехитрым приемом, не раз отработанным на уроках, она, не повышая голоса, встряхивала самых сонных учеников.

– Какой? – недоверчиво насупилась Татьяна, подцепила

ноготками новую сигарету и щелкнула зажигалкой.

– Ферма!

Огонек дрогнул и застыл в руке на полпути к сигарете. Выщипанные брови вопросительно изогнулись.

– Когда Константина уводили, он упомянул теорему Ферма.

– Ферма? – Кончик сигареты побелел от яркого огня. Татьяна затянулась. Тонкая струйка дыма выпорхнула из накрашенных губ. Женщина задумчиво проследила за ней. – Ту самую, Великую теорему Ферма?

– Да. Ты же знаешь, что Константин постоянно возвращался к ней.

– Его мозг всегда был чем-то занят. Причем здесь теорема?

– Пока не знаю. Но всем очевидно, что в квартире нет больших ценностей, которые бы привлекли вора. Поэтому следователь убежден, что это типичная бытовая ссора. По его словам, подобные убийства не редкость среди родственников, стесненных бытовыми условиями.

– Чтобы в этом убедиться, достаточно включить хронику происшествий. Про Ферма там точно не упоминают, – усмехнулась Архангельская.

– Я обратила внимание, что рабочий стол Константина был в беспорядке. Когда он вошел, то не обнаружил там чего-то и нервно рассмеялся.

– По-другому смеяться он не умеет, Валентина Ипполи-

товна.

– А позже он сказал про теорему Ферма. И я подумала...

– Что Данин нашел доказательство, и подлый вор его выкрал!

– А почему бы и нет? – в свою очередь удивилась Вишневская. – Танечка, ты хорошо должна представлять всю ценность этого достижения.

– Премия, слава... Ни то, ни другое для Данина ничего не значат.

– Я сейчас говорю не о нем. Всегда существовали математики, готовые продать душу за доказательство теоремы Ферма. Разве не так?

– Данин не умеет извлекать выгоду из своих открытий. Он бы просто так всё рассказал первому встречному.

– Но это особый случай, – настаивала учительница. – Да и не было у него в последнее время собеседников. Он отгородился ото всех.

– Даже от женщин? – остро стрельнула глазами Архангельская.

– Этого я не знаю.

– Зато я помню, что ему иногда требовалась разрядка. Чисто механическая, но очень бурная.

– Сейчас это к делу не относится. И еще...

Валентина Ипполитовна засомневалась, говорить ли ей о последних словах Константина, прозвучавших только для нее: «Там было не всё». Она сама не полностью понимала их

СМЫСЛ, ТОЛЬКО ЧУВСТВОВАЛА, ЧТО ЗА НИМИ КРОЕТСЯ ЧТО-ТО ВАЖНОЕ. И ЕСЛИ ОН СКАЗАЛ ИХ ШЕПОТОМ, ЗНАЧИТ, НЕ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ СЛЫШАЛИ ОСТАЛЬНЫЕ.

– Что еще? – переспросила Архангельская.

– На столе Данина я нашла книгу о теореме Ферма, которую подарила когда-то в школе. Все другие книги были в шкафу.

– И что это значит?

– Я подумала... Пока это всего лишь мои догадки ... Ну, в общем, в квартире был тот, кто хорошо представлял себе ценность доказательства Великой теоремы и был знаком с Софьей Евсеевной. Поэтому ее и убил. Любой другой мог бы оттолкнуть старую женщину и убежать.

– Никто из преступников не любит свидетелей.

– Нет, – убежденно возразила Валентина Ипполитовна. – Профессионал нашел бы способ уйти без убийства. Здесь действовал дилетант. Перепуганный дилетант.

– А что говорит следствие? Ну, отпечатки там, улики?

– Следствие... Они нашли отпечатки на вазе ... Константина. Его и увезли. Для них это, как дважды два – четыре.

– Если вы правы, Данин сам объяснит им про теорему. И следователи будут копать.

– Вот в этом я, как раз, и сомневаюсь. Во-первых, наши милиционеры вряд ли что-нибудь слышали о теореме Ферма. Во-вторых, Константин так отвечает на вопросы, что не все понимают его логику.

– Это уж точно. – Глаза Татьяны игриво вздрогнули, словно вспомнила что-то веселое. – Тогда придется вам выступить в роли переводчика и всё им объяснить.

– Для этого я и хотела предварительно сама во всем разобраться. Но мне нужна твоя помощь.

– Валентина Ипполитовна, ну когда я вам отказывала?

– Скажи. Кто из ваших коллег математиков был по-настоящему увлечен теоремой Ферма?

– Уверена, в свое время многие прошли через эту болезнь, – хмыкнула Татьяна, – а когда поняли, что она им не по зубам, то оставили.

– Меня интересуют только те, кто хорошо знал Константина и его маму. И кто мог бы ради доказательства теоремы Ферма переступить через закон и совесть. Подумай, о ком ты могла бы сказать такое?

– Как вы повернули-то.

– А что, разве в среде ученых нет беспринципных людей?

– Попадаются, – согласилась Архангельская и задумалась.

– Нужны те, кто мог недавно пересекаться с Даниным или его мамой, – подсказала Вишневская.

– Тогда, пожалуй, Левон Амбарцумов. Он еще учился вместе с нами в школе в параллельном классе.

– Я помню Лёву. Он любил деньги и не очень любил решать сложные задачи.

– Вот-вот. А доказательство теоремы Ферма в цепких руках может принести неплохие деньги. – Татьяна несколько

ко раз задумчиво зажгла и потушила зажигалку. – Кстати, недавно Ефим Здановский упомянул, что встретил Данина. Он живет в этом районе, и мог пересечься.

– Кто это? Я его знаю?

– Вряд ли. Здановский всегда по-черному завидовал Данину. А в глаза льстил, причем, топорно, неуклюже. Одно время стремился подружиться и, я не исключаю, что бывал у него дома. Мне он не нравится: дерганый, ко всему цепляется.

Татьяна встала, подошла к окну, потрогала пальцем распустившийся цветок.

– У меня такой никогда не цвел.

– Я тебе потом объясню, чем удобрять надо. Ты вспомнила только двоих. Это все?

– Еще, наверное, Михаил Фищук. Мы с ним познакомились в университете. Он прекрасно понимал гениальность Данина, обожал его и всё время предлагал помощь, приносил какие-то работы. Если Данин находил в них ошибку, Фищук не обижался, а восторгался еще больше. Мне он сильно не нравился, одно время я даже к нему ревновала, такими влюбленными глазами он смотрел на Данина. Очень назойливый и скользкий тип. Но потом я с Даниным развелась и избавилась от присутствия Фищука. А он продолжал с ним общаться. Это точно.

Валентина Ипполитовна, водрузив на нос очки, переписала фамилии на листочек и спросила:

– Кто-нибудь еще?

– Нет. Это все. – Татьяна тряхнула модельной стрижкой и закурила.

– А Феликс? – осторожно намекнула учительница.

– При чем тут Феликс! – Архангельская нервно дернула рукой, пепел свалился на подоконник. Она развернулась и свысока грозно взирала на маленькую учительницу. – Феликс уже давно забросил научную работу, у него в глазах теперь одни доллары стоят.

– А он общался с Константином?

– Пытался звонить иногда. Говорил, что школьные друзья не забываются. Но это всё без толку. Они стали разными людьми.

– А у тебя с Феликсом как?

– Нормально, – небрежно отмахнулась Татьяна. – Живем получше, чем другие. Сегодня он прилетел из Испании, обещал какой-то сюрприз. Я даже не успела с ним встретиться.

– Ой, а я тебя задерживаю. – Пожилая учительница ткнула в листок с фамилиями: – Мне надо знать, где они живут?

– Зачем?

– Попробую навестить, пообщаться. Ведь мог Константин Данин поделиться великим открытием с любимой учительницей? Вот и обсужу теорему Ферма с ними, посмотрю на реакцию.

Татьяна Архангельская с восхищением посмотрела на смелую учительницу.

– Вы намерены провести самостоятельное расследование?

– Ну, что ты говоришь. Куда мне с этим. – Вишневская опустила ироничный взгляд на хромую ногу. – Я только поговорю. Как с тобой. Может они что-то подскажут.

– Где живет Ефим Аркадьевич Здановский, я знаю. Записывайте. – Архангельская продиктовала и направилась к выходу: – Извините, Валентина Ипполитовна, но мне пора. Адреса Амбарцумова и Фищука я подсмотрю в личных делах. И вы все-таки подумайте об адвокате. Сейчас без них никуда.

Валентина Ипполитовна сверила номер квартиры с адресом Здановского Ефима Аркадьевича и нажала кнопку звонка. Она решила не откладывать визит к подозрительному коллеге Данина, тем более, что и жил он действительно недалеко. Ей казалось, что убийце сложнее всего скрывать свои эмоции в первый день преступления.

Дверь открыл мужчина лет сорока пяти среднего телосложения с круглой бородкой такого типа, какая образуется у детей, ткнувшихся ртом в шоколадный торт. Одет он был в бесформенный спортивный костюм, не встречающийся в продаже уже лет десять, на нежданную гостью смотрел брезгливо и подозрительно.

– Ефим Аркадьевич? – поспешила улыбнуться учительница и представилась: – Я Вишневская Валентина Ипполитовна, бывшая учительница Константина Данина. С ним произошло несчастье. Я хотела бы с вами поговорить.

– А я тут при чем?

– Вы его хороший знакомый, вместе работали в одной лаборатории много лет.

– Ну и что?

– Ефим Аркадьевич, вы даже не спрашиваете, что случилось с Константином?

Здановский явно смутился. Темные маленькие глазки,

дерзко смотревшие в упор, на некоторое время заинтересовались обувью гостыи.

– Ясно что. Спился или заболел. Требуются деньги на лечение, – пробурчал Здановский, дернул подбородком и с прежним вызовом, словно гордился сказанным, произнес: – Только денег у меня нет! Лучше к его бывшей женушке обратитесь.

– С Татьяной Архангельской я только что встречалась. Но Данин не заболел, Ефим Аркадьевич. Он попал в тюрьму.

– Что? – недоверчиво скривился Здановский. – Данин в тюрьме?

Вишневская следила за его реакцией: играет или нет?

– Вы разрешите пройти? – попросила она.

Здановский нехотя подвинулся.

– Только это... Гостей я не ждал.

– Фима, это кто? – выкрикнул женский голос из кухни.

– Ко мне это! По работе! – Ефим Аркадьевич указал учительнице на дверь в гостиную: – Давайте сюда. Не раздевайтесь. Вы же не надолго.

Хозяин квартиры подхватил пиджак, висевший на стуле, торопливо одел его поверх спортивного костюма и предложил госте сесть. Вишневская оказалась за круглым столом, стоявшим посредине комнаты, и заинтересованно прищурилась. Перед ней лежали рукописные листы с формулами. Спohватившийся Здановский второпях сгреб их и пихнул в переполненный книжный шкаф. Видимо гостиная ис-

пользовалась в доме и в качестве кабинета. Ефим Аркадьевич смущенно пригладил за уши не в меру отросшие волосы, зачем-то застегнул пиджак на все пуговицы и сел напротив учительницы.

– Валентина...

– Ипполитовна, – подсказала Вишневская.

– Да-да. Валентина Ипполитовна, так что там с Даниным?

Теперь хозяин квартиры стремился создать хорошее впечатление. Он даже попытался улыбнуться, но, как у всех людей с подобной демонической бородкой, от его натянутого оскала веяло холодом. Гордая осанка напоминала о том, что в молодые годы он слыл красавцем, бесчувственным и надменным. Однако потертый пиджак поверх спортивного костюма ясно указывал, что лучшие годы Ефима Здановского уже позади.

Валентина Ипполитовна выждала паузу, спокойно наблюдая за собеседником.

– Произошел несчастный случай: погибла его мама. А Константина арестовали по подозрению в убийстве.

– Данина обвиняют в убийстве? – Здановский дернулся, будто его укололи, повернулся боком и закинул ногу на ногу. Теперь Вишневская могла лицезреть его надменный орлиный профиль, но не видела выражения его глаз. – Ерунда. Нет. Данин слабак... В прочем, я его давно не видел.

– А когда вы последний раз встречались с ним?

– Я же говорю: давно!

– А все-таки? Вы живете с ним в одном районе.

– Ну, столкнулся как-то... Не помню когда. Даже о чем-то поговорили.

– О чем?

– Какая разница? О погоде, наверное. Меня его жизнь не интересует! – Здановский решительно повернулся. – А вы, собственно, зачем пришли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.